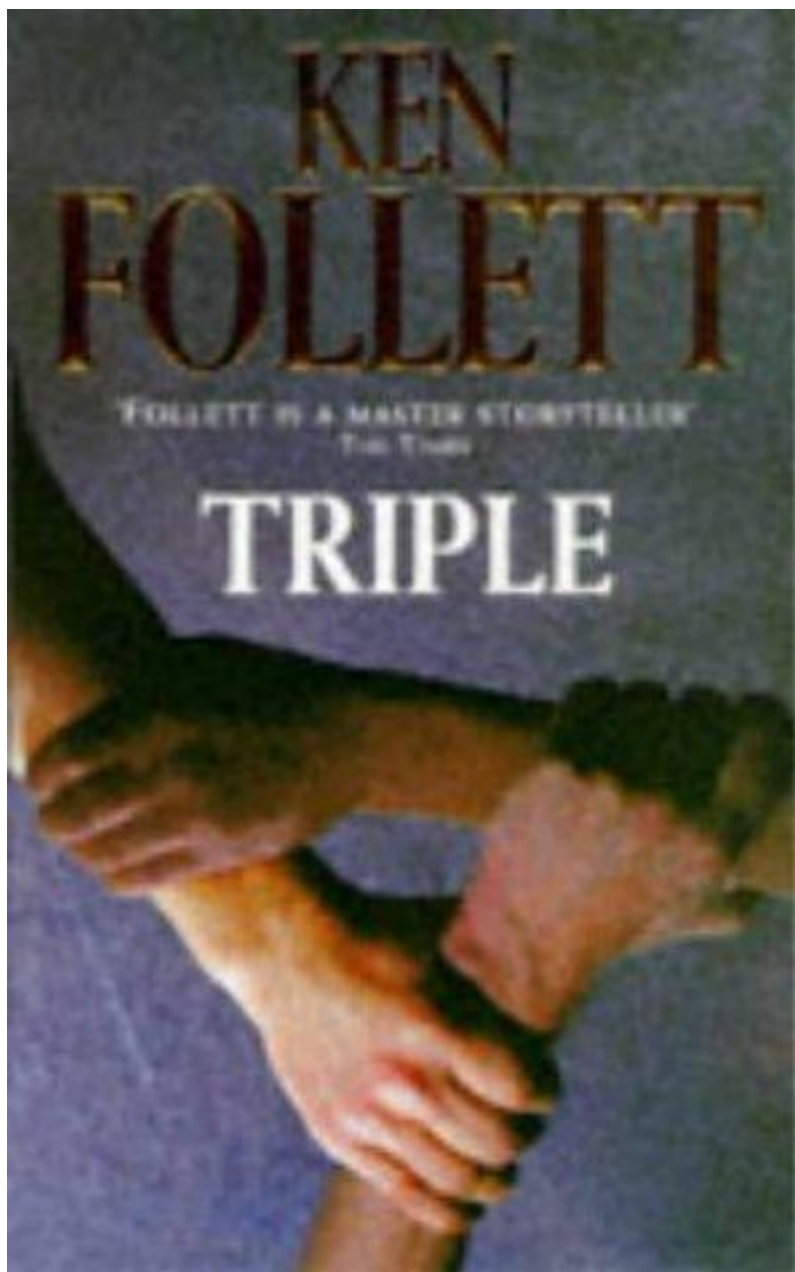

KEN
FOLLETT

FOLLETT IS A MASTER STORYTELLER
—Tom Cruise

TRIPLE

Кен Фоллетт

Трое

1979

Фоллетт К.

Трое / К. Фоллетт — 1979

Арабо-израильские конфликты и героическая работа «рыцарей плаща и кинжала» с «земли обетованной» – неисчерпаемая тема для шпионских романов англо-американских писателей. На этот раз Египет и Израиль соревнуются в том, кто первый создаст собственную ядерную бомбу. Арабам помогают русские (как же иначе?), а евреи вынуждены рассчитывать только на себя. Один из лучших агентов МОССАДа Натаниель Дикштейн получает почти невыполнимое задание – достать для родины 100 тонн урановой руды...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	15
Глава вторая	25
Глава третья	36
Глава четвертая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кен Фоллетт

Трое

(Из огня и крови...)

Необходимо признать, что единственная трудность при создании атомной бомбы любого вида заключается в подготовке расщепляющегося материала соответствующего уровня очистки: конструкция же бомбы сама по себе достаточно проста...
«Энциклопедия Американа»

Алу Цукерману

Пролог

Было время, когда все они существовали бок о бок.

Они встретились много лет назад, когда все были молоды, задолго до того, как все это случилось; но последствия их встречи отбросили тень на много десятилетий вперед.

Это было первое воскресенье ноября 1947 года, если уж быть точным; и эта давняя встреча произошла по чистому совпадению, но в ней не было ничего удивительного. Все они большей частью были молоды и талантливы; они стремились обладать властью, принимать решения, вносить свои коррективы – каждый своим путем, в каждой из своих стран; а такие люди в молодости часто встречаются в местах, подобных Оксфорду. И более того – когда все это случилось, те, кто держались в стороне, стали намекать, что и им кое-что известно, лишь потому, что они встречали остальных в Оксфорде.

Тем не менее, это меньше всего выглядело исторической встречей. То была очередная вечеринка с шерри в том месте, где бывает много подобных вечеринок с шерри (и не только с ним, но и напитками покрепче). Словом, ничем не примечательная встреча. Ну, почти не примечательная.

Ал Кортоне постучал в дверь и застыл в холле, боясь, что дверь ему откроет мертвец.

Предположение, что его друг мертв, за последние три года превратилось почти в уверенность. Во-первых, до Кортоне дошли слухи, что Дикштейн попал в плен. Ближе к концу войны просочились слухи, что происходило с евреями в нацистских концлагерях. И теперь, по завершении войны, они стали явью.

С другой стороны двери донеслись неясные звуки – кто-то двинул стулом по полу и пошел к дверям.

Кортоне внезапно занервничал. А что, если Дикштейн изуродован, искалечен? Может, он вообще не хочет, чтобы его беспокоили. Кортоне никогда не знал, как вести себя с калеками или сумасшедшими. В те несколько дней в конце 1943 года они с Дикштейном очень сблизились, пусть даже провели рядом не так уж много времени, но что представляет собой Дикштейн сейчас?

Дверь открылась, и Кортоне сказал:

– Привет, Нат.

Дикштейн уставился на него, а потом его лицо расплылось в широкой улыбке, и он выдал одну из своих смешных фраз на жаргоне кокни:

– Ну, провалиться мне!

Кортоне с облегчением улыбнулся ему в ответ. Они обменялись рукопожатиями, обнявшись, похлопали друг друга по спине и позволили себе несколько соленых солдатских шуточек, проталкиваясь в квартиру.

– Хотел бы я знать, – сказал Дикштейн, – как ты нашел меня?

– Должен признаться, это было нелегко, – Кортоне снял форменную куртку и бросил ее на узкую кровать. – И заняло почти весь вчерашний день. – Он смерил взглядом единственное хрупкое кресло в комнате. Оба его подлокотника торчали под странными углами, сквозь цветастую ткань обшивки, украшенную изображениями хризантем, торчали пружины, а в качестве подпорки на месте исчезнувшей ножки использовались тома «Диалогов» Платона. – Оно может выдержать человека?

– Только в звании не выше сержанта. Но...

– Ниже сержанта – это еще не люди.

Они рассмеялись: то была старая шутка. Дикштейн выволок из-за стола стул с гнутой спинкой. Присмотревшись к приятелю, он заметил:

– А ты никак потолстел.

Кортоне погладил выступающее брюшко.

– Во Франкфурте мы жили, как сыр в масле – ты много потерял, демобилизовавшись. – Наклонившись, он понизил голос, словно хотел сообщить что-то конфиденциальное. – Мне здорово повезло там. Драгоценности, китайский фарфор, антиквариат – все что угодно за мыло и сигареты. Немцы подышали с голоду. И, что лучше всего, девушки были готовы на все за пару нейлоновых чулок. – Он откинулся на спинку стула, ожидая услышать одобрителный смех, но Дикштейн смотрел на него с каменным лицом. Несколько растерявшись, Кортоне сменил тему: – Но ты-то явно не потолстел.

На первых порах он так обрадовался и испытал такое облегчение, увидев Дикштейна целым и здоровым, с той же самой улыбкой до ушей, что не присмотрелся к нему поближе.

И только теперь он обратил внимание, что его приятель не просто худ; он выглядел изможденным. Нат Дикштейн всегда был невысоким и худеньким, но теперь от него, казалось, остались одни кости. Кожа неестественно белого цвета и большие карие глаза за пластмассовой оправой очков лишь подчеркивали это впечатление. В проеме между обшлагом брюк и носков виднелась полоска бледной кожи ноги, смахивающей на спичку. Четыре года назад Дикштейн был загорелым, жилистым, жестким, как кожаная подметка армейских ботинок британской армии. Когда Кортоне, что нередко бывало, рассказывал о своем английском приятеле, он неизменно добавлял: «Самый выносливый, умный и отчаянный вояка, который спас мою чертову жизнь, и ей-богу, так оно и было».

– Потолстел? Нет. – Дикштейн покачал головой. – В стране по-прежнему железное нормирование, приятель. Но мы как-то справляемся.

– Ты знавал и худшие времена.

– И как-то выживал. – Дикштейн улыбнулся.

– Ты попал в плен?

– Под Ла Молиной.

– Черт побери, как им удалось скрутить тебя?

– Очень просто. – Дикштейн пожал плечами. – Пуля попала в ногу, и я вырубился. А когда пришел в себя, уже валялся в немецком грузовике.

Кортоне глянул на ногу Дикштейна.

– Все зажило?

– Мне повезло. В лагере оказался медик – он и срастил мне кость.

Кортоне кивнул.

– И еще концлагерь... – Он подумал, что, может быть, не стоит спрашивать, но ему хотелось знать, как там было. Дикштейн отвел глаза.

– Все было сносно, пока они не узнали, что я еврей. Хочешь чаю? Выпить нечего.

– Нет. – Кортоне уже жалел, что заговорил на эту тему. – Во всяком случае, по утрам я виски не пью. Жизнь и так слишком коротка.

Дикштейн перевел взгляд на Кортоне.

– Они решили выяснить, сколько раз можно ломать ногу в одном и том же месте и снова сращивать ее.

– Иисусе, – только и мог прошептать Кортоне.

– И делали они это с отменным мастерством, – ровным голосом произнес Дикштейн и снова отвел взгляд в сторону.

– Подонки, – вырвалось у Кортоне. Он даже не знал, что еще сказать.

На лице Дикштейна появилось странное выражение, которого Кортоне не доводилось видеть у него раньше, нечто – он понял это позднее – вроде страха. Что весьма странно. Ведь все уже позади.

– Черт побери, в конце концов, мы же победили, не так ли? – И он хлопнул Дикштейна по плечу.

– Так и есть, – усмехнулся Дикштейн. – Ладно, а что ты делаешь в Англии? И чего ради ты взялся меня разыскивать?

– Я решил сделать остановку в Лондоне по пути в Буффало. Зашел в военное министерство... – Кортоне замаялся. Он зашел туда, чтобы узнать, как и когда погиб Дикштейн. – Они дали мне твой адрес в Степни, – продолжил он. – Там на всей улице остался только один дом. И в нем я нашел старика, на котором не меньше дюйма пыли.

– Томми Костера.

– Точно. Ну, мне пришлось выпить около девятнадцати чашек спитого чая и выслушать всю историю его жизни, после чего он послал меня в другой дом за углом, где я нашел твою мать, выпил еще столько же спитого чая и выслушал историю ее жизни. Когда я, наконец, получил твой адрес, то уже опоздал на последний поезд в Оксфорд, так что перекантовался до утра – и вот я здесь. У меня всего лишь несколько часов – мое судно завтра отплывает.

– У тебя отпуск? Ты демобилизовался?

– Вот уже три недели, два дня и девяносто четыре минуты.

– Что ты будешь делать по возвращении домой?

– Заниматься семейным бизнесом. В последние пару лет выяснилось, что я потрясающий бизнесмен.

– Что за бизнес у вашей семьи? Ты никогда мне не рассказывал.

– Грузовые перевозки, – коротко ответил Кортоне. – А ты? Ради Бога, что ты делаешь в Оксфордском университете? Что ты изучаешь?

– Еврейскую литературу.

– Ты шутишь.

– Я писал на иврите еще до того, как пошел в школу, разве я тебе не говорил? Мой дедушка был настоящим ученым. Он жил в маленькой душной комнатенке над булочной на Майл-Энд-Роуд. И сколько я себя помню, я просиживал у него все субботы и воскресенья. И никогда не сетовал – мне это нравилось. Да и в любом случае, что еще я могу изучать?

Кортоне пожал плечами.

– Не знаю... может быть, атомную физику или менеджмент. Зачем вообще учиться?

– Чтобы быть счастливым, умным и богатым.

Кортоне покачал головой.

– Как всегда, у тебя замысловато. Девочки тут есть?

– Маловато. Кроме того, я занят.

Ему показалось, что Дикштейн слегка покраснел.

– Врешь. Ты никак влюблен, дурачок. Я-то вижу. Кто она?

– Ну, честно говоря... – Дикштейн явно смутился. – Она не нашего круга. Жена профессора. Экзотическая, умная и самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел.

Кортоне изобразил сочувственную физиономию.

– Боюсь, что тебе ничего не светит, Нат.

– Знаю, но все же. – Дикштейн встал. – Ты сам увидишь.

– Я могу встретить ее?

– Профессор Эшфорд устраивает вечеринку. Я получил приглашение. И как раз собирался, когда ты пришел. – Дикштейн потянулся за пиджаком.

– Прием в Оксфорде, – протянул Кортоне. – Ну и поражу же я своих в Буффало!

Стояло прохладное солнечное утро. Бледноватые лучи солнца омывали светом замшелые стены старых зданий. Они шли в молчании, которое не тяготило их, засунув руки в карманы, чуть ссутулясь, чтобы противостоять режущему ноябрьскому ветру, который свистел вдоль улиц. Кортоне пробормотал:

– Ну и холодрыга, мать ее...

По пути им встретилось всего несколько человек, и, отшагав с милю или около того, Дикштейн показал по другую сторону дороги на высокого человека с университетским шарфом вокруг шеи.

– Это русский, – сказал он и крикнул: – Эй, Ростов!

Русский поднял глаза, махнул им и перешел на их сторону. У него была короткая прическа армейского образца, пиджак массового пошива болтался на его высокой худой фигуре. Кортоне начало было казаться, что в этой стране все, как на подбор, тощие.

– Ростов учится в Баллиоле-колледже, таком же, как и я. Давид Ростов, я хотел бы представить вам Алана Кортоне. Мы с Аланом вместе воевали в Италии. Идете к Эшфорду?

Русский торжественно склонил голову.

– За бесплатной выпивкой – куда угодно.

– Вы тоже интересуетесь еврейской литературой? – спросил Кортоне.

– Нет, я изучаю тут буржуазную экономику, – ответил Ростов.

Дикштейн расхохотался. Кортоне не понял, что тут смешного. Дикштейн объяснил:

– Ростов из Смоленска. Он член ВКП(б) – Всесоюзной Коммунистической партии большевиков Советского Союза.

Кортоне по-прежнему не понял, что смешного в ответе Ростова.

– А я думал, что никто не имеет права покидать Россию, – сказал он.

Ростов пустился в долгие и путанные объяснения, связанные с тем, что по окончании войны его отец был дипломатом в Японии. Он говорил с серьезным выражением лица, которое уступило место смущенной улыбке. Хотя его английский оставлял желать лучшего, у Кортоне создалось впечатление, что он достаточно исчерпывающе излагает свои мысли. Рассеянно слушая его, Кортоне думал, что вот ты любил человека, как брата, дрался с ним бок о бок, а потом он расстается с тобой, и при встрече ты узнаешь, что он изучает еврейскую литературу, и понимаешь, что никогда по-настоящему не знал его. Ростов обратился к Дикштейну:

– Так ты еще не решил, едешь ли ты в Палестину?

– В Палестину? – переспросил Кортоне. – Чего ради?

Дикштейн несколько смутился.

– Я еще не решил.

– Ты должен ехать, – сказал Ростов. – Создание еврейского национального дома позволит покончить с остатками Британской империи на Ближнем Востоке.

Кортоне не верил своим ушам.

– Арабы вырежут вас там до последнего человека. Господи, Нат, да ты же только что спасся от немцев!

– Я еще не решил, – повторил Дикштейн. Он раздраженно мотнул головой. – Я и сам не знаю, что делать. – Чувствовалось, что ему не хотелось говорить на эту тему.

Они прибавили шагу. Лицо Кортоне стало мерзнуть, но под зимней формой он обливался потом. Его спутники обсуждали недавний скандал: человек по фамилии Мосли – она ничего не говорила Кортоне – выразил намерение явиться с машиной в Оксфорд и произнести речь на дне памяти павших. Мосли был фашистом, сообразил он. Ростов доказывал, что данный инцидент демонстрирует, насколько социал-демократы ближе к фашистам, чем к коммунистам. Дикштейн же утверждал, что старшекурсники, которые организовали это мероприятие, всего лишь хотели «шокировать» общество.

Слушая, Кортоне присматривался к двум своим спутникам. Они представляли собой странную пару: высокий Ростов, с туго, подобно бинту, обмотанным вокруг шеи шарфом, с хлопающими на ветру обшлагами слишком коротких брюк, и миниатюрный Дикштейн, с большими глазами за круглыми стеклами очков, в старой военной форме цвета хаки, который и на ходу выглядел подобно скелету. У Кортоне не было академического образования, но он был уверен, что на любом языке сможет уловить уклончивость и неискренность, и не сомневался,

что никто из двоих не говорит то, во что искренне верит: Ростов, как попугай, излагал затверженные догмы, а за короткими ехидными репликами Дикштейна скрывалось более глубокое отношение к теме разговора. Когда Дикштейн насмеялся над Мосли, он напоминал ребенка, который высмеивает приснившиеся ему кошмары. Оба они спорили умно и тонко, но без лишней эмоций, и их диалог напоминал фехтование на тупых рапирах.

Наконец Дикштейн заметил, что Кортоне не принимает участие в разговоре, и начал рассказывать о хозяине вечеринки.

– Стивен Эшфорд несколько эксцентричен, но очень интересный и достойный человек, – сказал он. – Большую часть жизни он провел на Ближнем Востоке. Сколотил себе состояние, но полностью потерял его. Склонен делать сумасшедшие вещи, например, пересечь арабскую пустыню на верблюде.

– Не такое уж это сумасшествие, – возразил Кортоне.

– У него жена – ливанка, – заметил Ростов. Кортоне взглянул на Дикштейна.

– Она...

– Она моложе его, – торопливо сказал тот. – Он привез ее в Англию как раз перед войной, когда стал профессором кафедры семитской литературы. И если он предложит тебе марсалу вместо шерри, значит, ты слишком загостился.

– И гости могут уловить эту разницу? – спросил Кортоне.

– Вот его дом.

Кортоне был готов увидеть нечто вроде мавританской виллы, но дом Эшфорда представлял собой имитацию тюдорианского стиля: выкрашен в белый цвет с зелеными деревянными накладками. Садик перед домом представлял собой сплошные заросли кустарника. Трое молодых людей направились по выложенной кирпичом дорожке к входу. Парадная дверь была открыта. Они оказались в небольшом квадратном холле. Где-то в глубине дома слышался чей-то смех: вечеринка уже началась. Распахнулась двустворчатая дверь, и на пороге предстала самая красивая женщина в мире.

Кортоне был поражен. Он стоял, не сводя с нее глаз, когда она, пересекая ковер, направлялась к ним. Он слышал, как Дикштейн представил его: «Это мой друг Алан Кортоне», – и вот он уже касается ее узкой смуглой кисти тонкого рисунка с теплой и сухой кожей; он поймал себя на том, что не хочет выпускать ее.

Повернувшись, она пригласила их в гостиную. Дикштейн коснулся руки Кортоне и улыбнулся: он прекрасно понимал, что сейчас творится в голове его друга.

Небольшие стаканчики с шерри с армейской безукоризненностью выстроились на небольшом столике. Протянув один из них Кортоне, она улыбнулась:

– Меня, кстати, зовут Эйла Эшфорд.

Когда она протягивала ему напиток, Кортоне уловил и все остальные детали. Подчеркнуто скромный вид, удивительное лицо без макияжа, прямые черные волосы, белое платье и сандалии – тем не менее, она выглядела обнаженной, и Кортоне мучился дикими мыслями, когда гладел на нее.

Он заставил себя отвернуться и присмотреться к окружению.

Какой-то араб в прекрасно сшитом костюме западного образца жемчужного цвета стоял около камина, разглядывая резьбу комода. Эйла Эшфорд окликнула его:

– Я хотела бы познакомить вас с Ясифом Хассаном, другом моей семьи, оставшейся дома, – сказала она. – Он из Корчестерского колледжа.

– Я знаком с Дикштейном. – заметил Хассан. Он обменялся рукопожатиями с новоприбывшими.

– Вы из Ливана? – спросил его Ростов.

– Из Палестины.

– Ага! – оживился Ростов. – И что вы думаете о плане разделения страны, предложенном Организацией Объединенных Наций?

– Он совершенно неуместен, – ответил араб. – Британцы должны уйти, а моя страна обретет демократическое правительство.

– Но тогда евреи окажутся в ней в меньшинстве, – возразил Ростов.

– Они меньшинство и в Англии. Неужели поэтому они должны объявить Сюррей своим национальным домом?

– Сюррей никогда им не принадлежал. В отличие от Палестины, которая когда-то была их родиной.

Хассан элегантно пожал плечами.

– Это было в те времена... когда Уэльс принадлежал Англии, англичане владели Германией, а французские норманы обитали в Скандинавии. – Он повернулся к Дикштейну: – Вам свойственно чувство справедливости – что вы об этом думаете?

Дикштейн снял очки.

– Здесь не идет речь об исторической справедливости. Я хотел бы обладать местом, которое мог бы назвать своим.

– Даже если для этого вы должны завладеть моим? – спросил Хассан.

– Вам принадлежит весь Ближний Восток.

– Он мне не нужен.

Эйла Эшфорд предложила сигареты. Кортоне взял одну из них и закурил. Пока остальные продолжали спорить о Палестине, Эйла спросила Кортоне:

– Вы давно знаете Дикштейна?

– Мы встретились в 1943-м. – сказал Кортоне. Он не мог оторвать глаз от ее пунцовых губ, сомкнувшихся вокруг сигареты. Даже курила она изящно. Деликатным движением она избавилась от крошки табака, прилипшей на кончике языка.

– Он меня страшно интересуется. – призналась она.

– Почему?

– Да всем. Он всего лишь мальчик, и все же выглядит таким старым. С другой стороны, он типичный кокни, но совершенно спокойно чувствует себя в кругах высшего класса. Но говорит он о чем угодно, только не о себе.

– Я тоже выяснил, что по сути совершенно не знаю его, – согласился Кортоне.

– Мой муж говорит, что он блистательный студент.

– Он спас мне жизнь.

– Боже милостивый. – Она внимательнее присмотрелась к нему: не слишком ли Ал мелодраматичен. Решение, вроде, она вынесла в его пользу. – Мне бы хотелось услышать, как это было.

Мужчина средних лет в грубоватых коричневых брюках коснулся ее плеча.

– Как дела, моя дорогая?

– Прекрасно. Мистер Кортоне, это мой муж, профессор Эшфорд.

– Как поживаете? – поздоровался Кортоне. Эшфорд оказался лысым мужчиной в плохо сидящем костюме. Кортоне же ожидал увидеть Лоуренса Аравийского. Подумал, что, может быть, у Ната и есть какой-то шанс.

– Мистер Кортоне рассказывал мне, – пояснила Эйла, – как Нат Дикштейн спас ему жизнь.

– В самом деле? – откликнулся Эшфорд.

– История довольно короткая. Это было в Сицилии рядом с местечком Рагуза, городком на холме, – начал он. – Мы продвигались к его предместьям. К северу от городка мы наткнулись на немецкий танк, стоящий под деревьями в небольшой лощине. Казалось, в нем не было экипажа, но для верности я кинул в него гранату. Когда мы миновали его, раздался выстрел

– всего один – и с дерева свалился немец с автоматом. Он скрывался в ветвях и готовился уложить нас, когда мы пройдем мимо. И снял его именно Нат Дикштейн.

В глазах Эйлы мелькнула искорка восхищения, но ее муж побелел. Видно было, что профессор не привык к рассказам, в которых люди так легко распоряжаются жизнью и смертью. Кортоне подумал: «Если даже это поразило тебя, папаша, надеюсь, Дикштейн никогда не рассказывал тебе все, что с ним было».

– Англичане обходили городок с другой стороны, – продолжал Кортоне, – Нат увидел танк одновременно со мной, но заподозрил ловушку. Он успел заметить и снять снайпера, и не будь он столь проницателен, со мной было бы кончено.

Собеседники на мгновение примолкли.

– Это было не так давно, – заметил Эшфорд, – но мы так быстро все забываем.

Эйла вспомнила и об остальных гостях.

– Я хотела бы поговорить с вами до того, как вы покинете нас, – обратилась она к Кортоне и направилась через комнату к Хассану, который пытался открыть двери, ведущие в сад.

Нервным движением Эшфорд зачесал за уши пряди вьющихся волос.

– Общество привыкло слышать повествования о больших битвах, но, думается, солдаты куда лучше помнят вот такие случаи.

Кортоне кивнул, думая, что, в сущности, Эшфорд не имеет ясного представления, что такое война, и сомневаясь, что в юности профессору в самом деле удалось пережить те приключения, о которых ему рассказывал Дикштейн.

– Позже я притащил его в гости к моим родственникам – моя семья родом с Сицилии. Нас угощали пастой и вином, и они сделали из Ната героя. Мы провели бок о бок всего несколько дней, но сблизились, как братья, понимаете?

– Конечно.

– Когда я услышал, что он попал в плен, то решил, что никогда больше не увижу его.

– И вы знаете, что случилось там с ним? – спросил Эшфорд. – Он так немногословен...

Кортоне пожал плечами.

– Ему удалось выжить в концлагере.

– Ему повезло.

– Повезло ли?

Смутившись, Эшфорд бросил взгляд на Кортоне, а потом, повернувшись, уставился на гостей в помещении. Помолчав, он сказал:

– Понимаете, тут не совсем типичное для Оксфорда сборище, Дикштейн. Ростов и Хассан – достаточно непривычные студенты. Вам стоило бы встретиться с Тоби – вот кто архитипичный выпускник. – Он перехватил взгляд краснолицего молодого человека в твидовом пиджаке и с очень широким светлым шерстяным галстуком. – Тоби, познакомься с товарищем Дикштейна по оружию – мистером Кортоне.

Пожав ему руку, Тоби сразу же спросил:

– Есть ли у него какие-то шансы? Может ли Дикштейн победить?

– Победить в чем? – удивился Кортоне.

– Дикштейн и Ростов решили сразиться в шахматном матче, – объяснил Эшфорд, – оба они отменные игроки. И Тоби считает, что у вас есть какая-то доверительная информация, которая поможет ему выиграть пари.

– А я-то думал, – протянул Кортоне. – что шахматы – игра для стариков.

– О! – с несколько излишним пылом воскликнул Тоби и опустошил свой стакан. Казалось, и его, и Эшфорда несколько смутило замечание Кортоне.

Из сада вошла девочка четырех или пяти лет, таща с собой старую кошку. Эшфорд представил ее с застенчивой гордостью человека, который стал отцом в немолодом возрасте.

– Это Сузи.

– А это Езекия. – представила кошку девочка. Цвет кожи и волосы у нее были как у матери, и малышка обещала стать красавицей, как и ее мать. Кортоне пришло в голову, в самом ли деле она дочка Эшфорда. Она ровно ничем не походила на него. Она протянула ему лапу кошки, и Кортоне вежливо пожал ее мягкие подушечки:

– Как поживаете, Езекия?

– Она очень обаятельна, – сказал Кортоне Эшфорду. – Мне хотелось бы поговорить с Натом. Надеюсь, вы извините меня? – Он подошел к Дикштейну, который, стоя на коленях, гладил кошку.

Похоже, Нат и Сузи были хорошими друзьями.

– Это мой друг Алан, – пояснил он ей.

– Мы уже знакомы, – ответила девочка, взмахнув ресницами. От матери унаследовала, отметил Кортоне.

– Мы вместе были на войне, – продолжал Дикштейн. Сузи в упор посмотрела на Кортоне.

– Вы убивали людей?

Он замялся.

– Конечно.

– И вы себя потом плохо чувствовали?

– Не очень. Это были злые люди.

– А Нату было плохо. Поэтому он и не хочет рассказывать об этом.

Этот ребенок лучше понимал Дикштейна, чем все остальные взрослые, вместе взятые.

С удивительной для ее возраста прытью кошка вывернулась из рук Сузи. Та погналась за ней. Дикштейн выпрямился.

– Я бы не сказал, что миссис Эшфорд так уж недостижима, – шепнул Кортоне.

– Что ты хочешь сказать? – взглянул на него Дикштейн.

– Ей не может быть больше двадцати пяти. Он, как минимум, на двадцать лет старше, и, думаю, заряды у него явно уже на исходе. Если они поженились где-то перед войной, ей должно было быть лет семнадцать. И не похоже, что они так уж привязаны друг к другу.

– Хотел бы я тебе верить, – пожал плечами Дикштейн. Но не проявил того интереса, которого можно было бы от него ожидать. – Давай глянем на сад.

Они прошли через высокие французские двери. Солнце основательно нагрело воздух, и жгучий холодок исчез. Коричневато-зеленые заросли тянулись вплоть до реки. Они пошли гулять, оставив дом за спиной.

– Тебе не очень понравилось это сборище, – заметил Дикштейн.

– Война завершена. И мы с тобой теперь обосновались в разных мирах.

– Алан...

– Слушай, какого черта! Скорее всего, связи между нами не будет – я не большой мастер писать письма. Но я никогда не забуду, что обязан тебе жизнью. В один прекрасный день ты можешь попросить отдать долг. И ты знаешь, где найти меня.

– О, нет... только не здесь, не сейчас... – раздался женский голос.

– Да! – Мужской.

Дикштейн с Кортоне стояли у высокой заросли кустов, которая закрывала угол сада: кто-то начал посадку лабиринта из кустов и не завершил его. В нескольких шагах от них открывался проем, потом изгородь под углом поворачивала вправо и тянулась вдоль берега реки. Голоса отчетливо доносились с той стороны зарослей.

Женщина снова заговорила низким горловым голосом.

– Не надо, черт бы тебя побрал, или я закричу.

Дикштейн и Кортоне миновали проем в зарослях. Кортоне никогда не забудет то, что он увидел. Перед ним предстали двое, а потом, пораженный, он взглянул на Дикштейна, лицо которого посерело от потрясения, и выглядел он так, словно вот-вот свалится: рот его приот-

крылся, когда он с ужасом и отчаянием смотрел на открывшуюся картину. Кортоне перевел взгляд на пару.

Женщиной была Эйла Эшфорд. Юбка ее была задрана до пояса, лицо пылало от наслаждения, и она страстно целовала Ясифа Хассана.

Глава первая

Динамики системы оповещения в Каирском аэропорту издали звук, напоминающий дребезжание колокольчика, и на арабском, итальянском, французском и английском языках сообщили о прибытии рейса «Алиталии» из Милана. Тофик эль-Массири оставил свой столик в буфете и отправился на галерею, с которой можно наблюдать за прибывшими.

Тофик был здесь потому, что получил телеграмму. Она пришла утром от его «дяди» в Риме и содержала в себе кодовое послание. В любом бизнесе пользуются кодом для международных телеграмм, главным образом, чтобы сэкономить деньги – длинные фразы сводятся до одного слова, и для сокрытия секретов. Телеграмма от «дяди» Тофика, расшифрованная в соответствии с кодовой книгой, сообщала подробности о завещании покойной тети. Тем не менее, у Тофика был еще один ключ, и, пустив его в ход, он прочел следующее:

«Найдите и следуйте за профессором Фридрихом Шульцем, прибывающим из Милана в Каир в среду 28 февраля 1968 года на несколько дней. Возраст 51, рост 180, вес 150 футов, волосы белые, глаза голубые, по национальности австриец, сопровождает только жена».

Пассажиры уже начали спускаться по трапу, и Тофик почти сразу же определил этого человека. Среди прибывших был только один высокий худой седовласый человек.

Пассажиры втягивались в здание аэровокзала, направляясь в зал для прибывших. Тофик подождал на галерее, пока из самолета не выгрузили багаж пассажиров, после чего присоединился к небольшой группке, сгрудившейся у таможенного барьера.

Ожидание затянулось. Вот этому научиться нельзя – как выносить его. Ты умел владеть оружием, с первого взгляда запоминать карты и сроки, открывать сейфы и голыми руками убивать людей, чему тебя обучали в первые же шесть месяцев подготовки; но не было лекций по науке терпения, не было упражнений по переминанию с ноги на ногу, не было семинаров по борьбе со скукой. И потому начинали лезть в голову мысли типа «Тут что-то не так, произошла накладка», потом «Осторожнее, осторожнее!», а потом...

В толпе встречающих был еще один агент.

Подсознательно Тофик, думая о науке терпения, почувствовал тревогу. Люди в небольшой группе, ожидавшие своих родственников, друзей и деловых партнеров, прилетевших из Милана, уже стали проявлять признаки нетерпения. Они курили, переминались с ноги на ногу, крутили головами и маялись от безделья. Семья из среднего класса с четырьмя детьми, двое мужчин в традиционных полосатых галабеях, бизнесмен в темном деловом костюме, молодая белая женщина, шофер с кокардой на фуражке «Форд мотор компани» и...

...И человек – само спокойствие.

Как и Тофик, смугл, с короткой стрижкой, в европейском костюме. С первого взгляда он вроде относился к той самой семье из среднего класса – но Тофик сразу же отметил, что он внимательно наблюдает за происходящим. Он стоял, заложив руки за спину, лицом к выходу из багажного отделения и невозмутимо наблюдал. Под носом у него белела полоска, напоминавшая старый шрам. Пару раз, скрывая беспокойство, он притронулся к ней, а потом снова спрятал руки за спину.

Обратил ли он внимание на Тофика?

Пассажиры стали выходить из отделения выдачи багажа, и Тофик слабо надеялся лишь, что те, кого встречает агент, покажутся до профессора Шульца.

Этого не произошло. Шульц с женой появились в первой же группке пассажиров.

Агент подошел к ним и обменялся рукопожатием с профессорской парой.

Ну, конечно же, конечно.

Агент встречал Шульца.

Тофик подождал, пока агент взял их багаж и провел Шульца к выходу: затем поспешил через другой проход к своей машине. Прежде, чем сесть в нее, Тофик скинул пиджак, развязал галстук, надел солнечные очки и натянул на голову белую бейсбольную шапочку. Теперь в нем не легко опознать человека, который только что стоял в толпе встречающих.

Он предположил, что агент оставил свою машину в закрытом для других секторе стоянки напротив входа, куда он и направился. Проследив, как багаж Шульцев занимал места в багажнике серого «Мерседеса», выпущенного пять лет назад, он проехал мимо.

Он вывел свой запыленный «Рено» на главное шоссе, которое вело от Гелиополиса, где располагался аэропорт, к Каиру. Он ехал, не превышая скорости 60 миль в час, аккуратно держась на соответствующей полосе. Серый «Мерседес» проскочил мимо него через две-три минуты, и он прибавил скорость, чтобы не терять его из виду. Он запомнил его номер, что позволит ему в будущем опознать машину противной стороны.

Конечно же, в Тель-Авиве не считали приезд Шульца событием: в противном случае на слежку отрядили бы не Тофика, который был еще молод и неопытен. Могло случиться, что вся эта история всего лишь тренировочное задание.

Они въехали в Каир по Шари Рамзес, и Тофик сократил расстояние между «Мерседесом», теперь их разделяла всего лишь одна машина. Серый лимузин повернул направо на Корниш ал-Нил, которая пересекала реку по мосту 26 июля, и скоро они очутились в районе Зама-лека.

В этом спокойном зажиточном пригороде движение было не таким оживленным, и Тофик забеспокоился, что его может заметить агент за рулем серого «Мерседеса». Но через пару минут его машина свернула на улицу богатых особняков рядом с Офицерским клубом и остановилась рядом со строением, в саду которого росли жакаранды. Тофик же немедленно сделал правый поворот и скрылся из виду прежде, чем открылась дверца машины. Остановившись, он выбрался из ее салона и вернулся на угол. Он успел как раз вовремя, дабы увидеть, как агент и Шульцы, сопровождаемые швейцаром в галабее, который тащил их багаж, исчезли в здании.

Через полчаса агент вышел один, сел в свою машину и уехал.

Тофик приготовился к ожиданию.

Оно длилось два дня, после чего ему пришел конец. Пока Шульцы вели себя, как типичные туристы, и чувствовалось, такое времяпрепровождение их вполне устраивает. В первый же вечер они поужинали в ночном клубе, где их услаждали танцы живота. Следующий день они посвятили пирамидам и Сфинксу; ленч они провели у «Гроппи», а обедали в «Хилтоне» у Нила. Утром третьего дня они поднялись пораньше и взяли такси, которое доставила их в мечеть Ибр Тулан.

Оставив машину у музея Гайера-Андерсона, Тофик последовал за ними. Бегло осмотрев мечеть, пара вышла через ее восточные ворота на Шари аль-Салибах. Они неторопливо прогуливались по ней, разглядывая фонтаны и здания, рассматривая маленькие темные лавочки и женщин, покупавших связки лука и перца у уличных торговцев.

Миновав перекресток, они зашли в чайную. Выйдя из чайной, Шульцы повернули к северу и, миновав Тофика, зашли на уличный базарчик. Здесь Тофику было проще следить за ними, то обгоняя пару, то отставая от нее. Фрау Шульц купила шлепанцы и золотой браслет и слишком много выложила за пачку мяты, которую ей предложил полуголый мальчишка. Тофик настолько обогнал их, что успел выпить маленькую чашку крепкого кофе по-турецки под навесом кафе «Насиф».

На несколько мгновений Шульцев скрыла от Тофика повозка, запряженная мулом, на которой громоздились кувшины из сказки об Али-Бабе, с горловинами, заткнутыми комками мятой бумаги. Когда повозка проехала, Тофик увидел, что Шульц прощается с женой и занимает место в потрепанном сером «Мерседесе».

Тофик выругался сквозь зубы.

Дверца машины захлопнулась, и она снялась с места. Фрау Шульц помахала ей вслед. Тофик успел заметить ее номер – это была та машина, за которой он следовал из Гелиополиса, и увидел, что она повернула к западу, после чего направилась влево к Шари Порт-Саид.

Забыв о фрау Шульц, он повернулся и бросился бежать к своей машине. Тяжело дыша и морщась от боли в боку, он шлепнулся на сидение. Включив двигатель, он рванул с места, направляясь через перекресток к Шари Порт-Саид.

Скорее всего, прикинул Тофик, профессор вовсе не избавляется от хвоста. Будь он профессионалом, он бы давно и умело оторвался от Тофика. Нет, он всего лишь предпринял утреннюю прогулку до места встречи. Но Тофик был уверен, что и то, и другое было согласовано с тем же самым агентом.

Они могли направиться куда угодно, но, скорее всего, оставили город – в противном случае Шульц просто взял бы такси у Баб Зувейлы – и эта основная дорога вела к западу.

Тофик мчался на предельной скорости. Теперь перед ним не осталось ни одной машины и впереди простиралось лишь прямое, как стрела, серое полотно дороги, по сторонам которой желтели лишь бескрайние пески и синело небо.

Он добрался до пирамид, так и не догнав «Мерседеса». Здесь трасса разветвлялась, уходя к северу до Александрии и к югу в сторону Файюма. С того места, где «Мерседес» подсадил Шульца, вряд ли имело смысл ехать в Александрию, так что Тофик помчался в сторону Файюма.

Когда, наконец, он увидел другую машину, она оказалась у него в хвосте и быстро набирала скорость. Но, поравнявшись с ним, она свернула вправо, в сторону от основной трассы. Тофик нажал на тормоз и развернул «Рено» на перекрестке. Другая машина уже была в миле от него на боковой дороге. Он последовал за ней.

Теперь не могло быть и речи о тренировочном задании, и все профессиональные приемы маскировки не играли тут никакой роли; надо было просто сидеть на хвосте у цели и следовать за ней, не обращая внимания, заметили ли вас или нет, потому что главным было определить, куда она направляется, и если вы не могли справиться с такой задачей, значит, от вас вообще нет толку.

«Мерседес» более быстроходная машина, и его рессоры лучше приспособлены для езды по узкой ухабистой дороге, так что через несколько минут он скрылся из виду. Тофик продолжал ехать дальше, надеясь, что, может быть, они попадутся ему на глаза при остановке или, по крайней мере, свернут, и он поймет, куда они направляются.

Позади осталось шестьдесят миль вглубь пустыни, и он уже начал беспокоиться, хватит ли ему горячего на обратный путь, когда, наконец, он наткнулся у перекрестка на небольшой оазис с деревней. Несколько тощих домашних животных щипали скудную траву у грязноватого водоема. У сбитой на скорую руку хижины, которая исполняла роль местного кафе, на столе стояли кувшин с печеными бобами и пара бутылок «Фанты». Тофик вылез из машины и обратился к старику, который поливал водой тощие бока буйвола.

– Проезжал ли тут серый «Мерседес»?

Крестьянин равнодушно посмотрел на него, словно тот говорил на чужом языке.

– Видел тут серую машину?

Старик смахнул со лба большую муху и коротко кивнул.

– Когда?

– Сегодня.

На более точный ответ он и не мог надеяться.

– Куда он поехал?

Старик ткнул пальцем на запад, в пустыню.

– Где я могу раздобыть бензин? – спросил Тофик. Старик указал на восток, в направлении Каира. Он сделал все, что было в его силах, решил Тофик. Он устало развернул свой «Рено» и направился обратно в город.

Тофику не нравилась его работа. Когда она была однообразна, он скучал, а когда требовалось напряжение, он пугался. Но ему сказали, что в Каире предстоит очень важная, хотя и опасная работа, что у него все данные, чтобы стать отличным шпионом, и в Израиле не так много евреев из Египта, обладающими такими же качествами, как у него, и если он откажется, другого такого не найти; и, конечно же, он согласился. Он решил рискнуть жизнью не только из-за идеалов. Скорее, им руководили и личные интересы: гибель Израиля означала и его собственную гибель; борясь за Израиль, он дрался и за себя; рисковал жизнью, чтобы спасти свою собственную жизнь. Так что все было логично. И все же он пытался заглянуть вперед – на пять лет? десять? двадцать – когда он будет слишком стар для полевой работы, его отзовут домой, где предоставят ему письменный стол, и он найдет себе симпатичную еврейскую девушку и женится на ней и будет жить в свое удовольствие на той земле, за которую дрался, рискуя жизнью.

Если уж он потерял профессора Шульца, оставалось лишь проследить за его женой.

На следующее утро Тофик отправился на главпочтамт, откуда послал кодированную телеграмму своему дяде в Риме:

«Шульца встречал в аэропорту предполагаемый местный агент. Два дня провел в туристских прогулках. Встретившись с вышеупомянутым агентом, направился в сторону Каттара. Преследование пришлось прекратить. Держу под наблюдением жену».

К девяти он вернулся в Замалек. В одиннадцать тридцать он увидел фрау Шульц на балконе за чашкой кофе, что позволило ему определить, где находятся апартаменты Шульцев.

Профессор Шульц вернулся поздно, во второй половине дня, в том же самом сером «Мерседесе». Он выглядел усталым и слегка помятым, как человек средних лет, которому пришлось совершить дальнейшее путешествие. Оставив машину, он, не оглядываясь, вошел в дом. Высадив его, агент проехал мимо «Рено», на мгновение остановив свой взгляд на Тофике. Но тот не в силах был что-то предпринять.

Где же был Шульц? Ему потребовалась большая часть дня, чтобы вернуться, прикинул Тофик: он провел в отлучке ночь, полный день и вторую ночь: и к тому же для возвращения ему потребовалась большая половина дня.

К девяти вечера Шульцы снова показались на улице. Чувствовалось, что профессор освежился и оправился. Они были одеты к обеду. Немного пройдясь, они взяли такси.

Тофик принял решение. Он не последует за ними.

Покинув машину, он вошел в сад, окружающий строение. Миновав газон, он нашел наблюдательный пост за кустами, откуда ему была видна через открытую парадную дверь внутренность холла. Бой-нубиец сидел на низкой деревянной скамье, клюя носом.

Через двадцать минут бой снялся со скамейки и исчез где-то на задах дома.

Тофик торопливо миновал холл и бесшумно поднялся по лестнице.

У него были с собой три типа отмычек, но ни одна из них не подошла. В конце концов он просто отжал язычок замка.

Войдя в номер, он тихонько прикрыл за собой дверь.

Апартаменты были высокими и просторными, с выбеленными стенами и мебелью английского колониального стиля. Но производили неприятное впечатление, что тут никто не живет. Номер состоял из большой гостиной, трех спален и кухни. Быстро осмотревшись, Тофик приступил к тщательнейшему обыску.

На ночном столике лежал путеводитель по Каиру на английском, экземпляр «Вога» и репринт лекции об изотопах.

Значит, Шульц в самом деле ученый.

Тофик пробежал пару страниц лекции. Большая часть содержимого оказалась вне пределов его понимания. Шульц, должно быть, высококвалифицированный химик или физик, подумал он. И если он прибыл сюда, чтобы работать над созданием оружия, Тель-Авив хочет знать об этом.

Тофик нашел в ванной одежду, в которой Шульц вернулся из пустыни. В туфлях еще оставался песок, а на отворотах брюк он увидел легкие серые мазки, которые смахивали на споры цемента. В нагрудном кармане мятого пиджака он нашел синий пластиковый футляр, очень тонкий, размерами примерно полтора на полтора дюйма. В нем находился светонепроницаемый конверт из бумаги, которая используется для сохранения фотопленок.

Тофик сунул футляр в карман.

Авиационные ярлычки валялись в мусорной корзинке в маленьком холле. Шульцы обитали в Бостоне, штат Массачусетс, и это, скорее всего, означало, что профессор преподает в Массачусетском технологическом институте или в каком-нибудь университете. Тофик произвел быстрый подсчет. Во время второй мировой войны Шульцу было немного больше двадцати: он вполне мог быть одним из тех специалистов по ракетам, которые перебрались в США после войны.

Или нет. Не обязательно быть наци, чтобы работать на арабов.

Рядом со стаканами валялся линованный блокнот форматом 13 на 17 дюймов: первая его страница была пуста. На блокноте лежал карандаш. Может быть, за коктейлем Шульц делал заметки о своей поездке. Тофик обыскал номер в поисках листика из блокнота.

Он нашел обуглившиеся остатки его на балконе в большой медной пепельнице.

Здесь он сделал все, что было в его силах. Он еще присмотрелся к блокноту в надежде, что карандаш Шульца, делавшего записи, продавил следы на последующей странице. Отодвинувшись от парапета, он прошел по балкону до высоких французских дверей, что вели в гостиную.

Он взялся за ручку двери, как услышал голоса.

Шульцы вернулись.

Тофик стремительно припомнил все, что он делал в номере: спальня, ванная, гостиная, кухня... все, до чего он притрагивался, аккуратно возвращал на место, кроме маленького пластикового футляра. Его-то он должен сохранить. И пусть Шульц напоминает, где он мог его потерять.

Если ему удастся выбраться отсюда незамеченным, им никогда не придет в голову, что в их апартаментах кто-то был.

Он перевалился через парапет и повис, держась на кончиках пальцев. Было так темно, что он не видел землю. Спрыгнув, он легко приземлился и сразу же откатился в сторону.

Оказавшись в машине, он включил двигатель и зажег дальний свет.

Из темноты вынырнули двое мужчин, которые остановились по обе стороны от «Рено». Кто?...

Он не стал медлить, прикидывая, что ему делать. Он рванул рычаг переключения скоростей на первую и снялся с места. Двое мужчин торопливо отпрыгнули.

Они даже не сделали попытки остановить его. Так для чего они тут оказались? Чтобы убедиться – он сел в машину?...

Нажав на тормоз, он бросил взгляд на заднее сидение, после чего с невыносимой тоской понял, что никогда больше в Иерусалиме не бывать.

Высокий араб в темном костюме улыбался ему, держа под прицелом небольшого револьвера.

– Поезжайте, – сказал он по-арабски, – но не слишком быстро, будьте любезны.

В. Как ваше имя?

О. Тофик эль-Массири.

В. На кого вы работаете?

О. Я студент.

В. Какой сегодня день?

О. Суббота.

В. Кто вы по национальности?

О. Египтянин.

В. Сколько будет двадцать минус семь?

О. Тринадцать.

Цель вышеперечисленных вопросов – правильно откалибровать детектор истины.

В. Вы работаете на ЦРУ.

О. Нет. (Правда.)

В. На немцев?

О. Нет. (Правда.)

В. Значит, на Израиль.

О. Нет. (Ложь.)

В. Вы действительно студент?

О. Да. (Ложь.)

В. Расскажите мне о ваших занятиях.

О. Я занимаюсь химией в Каирском университете. (Правда.) Я интересуюсь полимерами.

(Правда.) Я хочу стать инженером-нефтехимиком. (Ложь.)

В. Что такое полимеры?

О. Сложные органические соединения с длинными молекулярными цепочками, например – полиэтилен. (Правда.)

В. Как ваше имя?

О. Я говорил вам. Тофик эль-Массири. (Ложь.)

В. Датчики на голове и груди фиксируют ваш пульс, ускорение биения сердца, уровень дыхания и потоотделения. Когда вы говорите неправду, вас выдает обмен веществ – дыхание ускоряется, вы обильно потеете и так далее. Этот аппарат, предоставленный нам русскими друзьями, безошибочно сообщает мне, когда вы врете. Кроме того, мне довелось узнать, что Тофик эль-Массири мертв. Так кто вы?

О. (Нет ответа.)

В. Провод, который идет к вашему пенису – часть другой машины. Он связан вот с этой кнопкой. Когда я нажимаю ее...

О. (Крик.)

В. ...по проводу идет ток, который потрясает вас. Мы можем опустить вам ноги в ведро с водой, чтобы усилить эффективность действия аппарата. Так как ваше имя?

О. Авраам Эмбаш.

Действие аппарата электрошока мешает функционированию детектора лжи.

В. Хотите сигарету?

О. Спасибо.

В. Можете мне верить или нет, но я ненавижу эту работу. Беда в том, что люди, которым она нравится, никогда не приносят никакого толка – вы же понимаете, что тут требуется тонкость восприятия. А я достаточно чувствительный человек... и не могу видеть, как люди страдают. А вы?

О. (Нет ответа.)

В. Вы теперь обдумываете способы, чтобы противостоять мне. Можете не утруждаться. Против современной техники нет защиты... когда мы беседуем с вами. Так как ваше имя?

О. Авраам Эмбаш. (Правда.)

В. Кто вас контролирует?

О. Я не понимаю, о чем вы говорите. (Ложь.)

В. Это Бош?

О. Нет, Фридман. (Оценка сомнительная.)

В. Это Бош.

О. Да. (Ложь.)

В. Нет, это не Бош. Кранц.

О. О'кей, пусть Кранц – как вам угодно. (Правда.)

В. Как вы поддерживали контакт?

О. У меня был радиопередатчик. (Ложь.)

В. Вы говорите неправду.

О. (Крик.)

В. Как вы поддерживали контакт?

О. Потайной «почтовый ящик» в предместье.

В. Так как поддерживали контакт?

О. Потайной... (Крик.)

В. Али! Он дергает ногами – очень сильные судороги. Привяжи его покрепче, чтобы он не высвободился. И возьми ведро, налей в него побольше воды. (Пауза.) Так, он пришел в себя. Можешь идти. Вы слышите меня, Тофик?

О. (Неразборчиво.)

В. Как ваше имя?

О. (Нет ответа.)

В. Придется слегка встряхнуть вас, чтобы помочь...

О. (Крик.)

В... вам прийти в себя.

О. Авраам Эмбаш.

В. Какой сегодня день?

О. Суббота.

В. Что вы ели на завтрак?

О. Бобы.

В. Сколько будет двадцать минус семь?

О. Тринадцать.

В. Кто вы по профессии?

О. Я студент, нет, прошу вас, пожалуйста, я шпион, да, я шпион прошу вас, не трогайте кнопку, прошу вас, о господи, о господи...

В. Как вы поддерживали контакт?

О. Кодированными телеграммами.

В. Закурите. Вот так... о, похоже, она не держится у вас в губах... разрешите мне помочь вам... вот так.

О. Благодарю вас.

В. Попробуйте успокоиться. И поймите, когда вы говорите правду, боли больше не будет. (Пауза.) Так вы себя лучше чувствуете?

О. Да.

В. Как и я. А теперь расскажите мне о профессоре Шульце. Почему вы следили за ним?

О. Я получил приказ. (Правда.)

В. Из Тель-Авива?

- О. Да. (Правда.)
- В. От кого именно в Тель-Авиве?
- О. Я не знаю. (Оценка сомнительна.)
- В. Но вы можете предположить.
- О. От Боша. (Оценка сомнительна.)
- В. Или от Кранца?
- О. Может быть. (Правда.)
- В. Кранц хороший человек. На него можно положиться. Как поживает его жена?
- О. Очень хорошо, и я... (Крик.)
- В. Его жена умерла в 1958 году. Почему вы вынуждаете меня причинять вам боль? Чем занимался Шульц?
- О. Два дня осматривал окрестности, а потом исчез в пустыне на сером «Мерседесе».
- В. И вы вломились в его апартаменты.
- О. Да. (Правда.)
- В. И что вы выяснили?
- О. Что он ученый. (Правда.)
- В. И еще?
- О. Что он американец. (Правда.) И это все. (Правда.)
- В. Кто был инструктор, готовивший вас?
- О. Эртл. (Оценка неопределенная.)
- В. Хотя это его настоящее имя.
- О. Не знаю. (Ложь.) Нет! Не трогайте кнопку, дайте мне подумать, всего лишь минутку, я припоминаю, кто-то говорил, что его настоящее имя Маннер. (Правда.)
- В. Ах, Маннер. Какой позор. Насколько он старомоден. Он все еще верит, что может готовить агентов, которые смогут вынести допрос. Это его ошибка, которая заставила вас так страдать, и вы должны это понимать. А что вы можете сказать о своих коллегах? Кто их готовил?
- О. Я никогда не знал их подлинных имен. (Ложь.)
- В. В самом деле?
- О. (Крик.)
- В. Подлинных имен?
- О. Не всех из них...
- В. Назовите мне те, которые вы помните.
- О. (Нет ответа.) (Крик.)
- Пленник потерял сознание. (Пауза.)
- В. Как ваше имя?
- О. М-м-м... Тофик. (Крик.)
- В. Что вы ели на завтрак?
- О. Не знаю.
- В. Сколько будет двадцать минус семь?
- О. Двадцать семь.
- В. Что вы рассказали Кранцу о профессоре Шульце?
- О. Осмотр окрестностей... Западная пустыня... слежка прекращена.
- В. Кто вас готовил?
- О. (Нет ответа.)
- В. Кто вас готовил. С кем вы готовились?
- О. (Нет ответа.) (Крик.)
- В. С кем вы готовились?
- О. О, я спускаюсь в сумрачную долину смерти...

В. С кем вы готовились?

О. (Крик.)

Пленник скончался.

Когда Каваш попросил его о встрече, Пьер Борг отправился на нее. Ни время, ни место они не обговаривали: послание Каваша просто просило о встрече, и Борг не сомневался, что он окажется на месте. Каваш был лучшим двойным агентом, который когда-либо был у Борга, и этим все сказано.

В ожидании Каваша глава Моссада стоял в конце платформы Бакерлоу на Оксфордской линии, читая объявления о курсе лекций по теософии. Он не имел представления, почему араб выбрал для этой встречи Лондон; не имел представления, как он объяснит своим хозяевам, что ему нужно в этом городе; он даже не понимал, почему Каваш стал предателем. Но этот человек помог израильтянам выиграть все войны и избежать очередной, и Борг нуждался в нем.

Он посмотрел вдоль платформы и увидел большую смуглую голову с крупным тонким носом, приближающуюся к нему. Ему казалось, он знает, почему Каваш хочет переговорить с ним. И он надеялся, что его догадка окажется верной.

Борга очень беспокоила история с Шульцем. Она началась, как рутинная слежка, рядовое задание молодому агенту в Каире: влиятельный американский физик почему-то решил совершить поездку в Каир. Первый тревожный сигнал прозвучал, когда Тофик упустил Шульца. Борг решил уделить ситуации более пристальное внимание. Свободный журналист в Милане, который порой выполнял кое-какие задания немецкой разведки, установил, что за билет Шульцев расплатилась жена одного из египетских дипломатов в Риме. Затем ЦРУ в привычном порядке передало Моссаду серию снимков со спутников района вокруг Каттара, где просматривались следы каких-то конструкций. И Борг вспомнил сообщение Тофика, что Шулец исчез где-то по направлению к Каттару.

Что-то там происходило, и он не знал, что именно, отчего не мог не испытывать беспокойства.

Впрочем, он беспокоился постоянно. Если не из-за египтян, то из-за сирийцев; если не из-за сирийцев, то из-за федаинов; если предметом беспокойства были не столько враги, сколько друзья, то он решал вопрос, сколько времени они еще будут числить себя друзьями. У него вообще была беспокойная работа.

А теперь еще прервалась связь с Тофиком, и это было самым тревожным признаком.

Может быть, кое-что прояснит Каваш.

– Спасибо, что пришли, – кивнул араб. Он всегда произносил эти слова при встрече.

Борг не обратил на них внимания: он никогда не знал, как реагировать, когда его благодарили.

– Какие новости? – с ходу спросил он.

– В пятницу в Каире мне пришлось заниматься одним молодым человеком.

– Вам пришлось?

– Военная разведка поставляет телохранителей для «очень важных лиц», и они заметили, что мальчишка следит за одним из них. У военных в городе нет оперативного персонала, так что они попросили мой департамент взять его.

– Черт побери, – с искренним чувством ругнулся Борг. – И что с ним произошло?

– Я должен был поступить с ним в соответствии с предписанием, – печально сказал Каваш. – Мальчик был подвергнут допросу и погиб. Его имя Авраам Эмбаш, но он работал под именем Тофик эль-Массири.

Борг нахмурился.

– Он сообщил свое подлинное имя?

– Он мертв, Пьер.

Борг раздраженно мотнул головой: Каваш вечно тыкает пальцем в какие-то личностные аспекты.

– Почему он выдал вам свое имя?

– Мы пустили в ход русское оборудование – детектор лжи, соединенный с электрошоковой установкой. И вы не готовили их к испытаниям на таком агрегате.

Борг коротко хмыкнул:

– Расскажи мы им о нем, у нас не осталось бы ни одного рекрута. Что еще он выдал?

– Ничего, чего бы мы не знали. Он мог, но я успел убить его.

– Вы убили его?

– Я положил конец допросу, чтобы он не сказал чего-либо важного. Все вопросы и ответы записываются на пленку, а потом перепечатываются. Этому мы научились у русских. – В его карих глазах застыла неизбывная печаль. – Почему... вы предпочли бы, чтобы я поручил кому-то другому убить вашего мальчика?

Борг отвел взгляд. Он не мог позволить, чтобы разговор обрел столь сентиментальный характер.

– Что ему удалось выяснить относительно Шульца?

– Агент доставил профессора в Западную пустыню.

– Это я знаю, но для чего?

– Я не знаю.

– Вы должны знать, вы же египетская разведка! – Борг подавил приступ раздражения. Дай человеку действовать по своему собственному разумению: если у него есть какая-то информация, он ее так и так изложит.

– Я не знаю, чем они там занимаются, потому что выделена специальная группа для их обеспечения, – сказал Каваш. – И мой департамент не в курсе дела.

– Есть какие-то идеи, почему так произошло?

Араб пожал плечами.

– Я бы сказал, что они не хотят информировать русских. А пока Москва получает все, что идет через нас.

– Это все, что Тофик узнал? – Борг не смог скрыть разочарования.

Внезапно в мягком голосе араба прозвучали нотки гнева.

– Этот мальчик умер за вас.

– Я поблагодарю его, когда мы встретимся на небесах. Но надеюсь, он погиб не напрасно?

– Вот это ему удалось раздобыть в апартаментах Шульца. – Каваш вытащил из внутреннего кармана и показал Боргу маленький квадратный футляр синего пластика.

– Откуда вы знаете, где он раздобыл его?

– На нем обнаружены отпечатки пальцев Шульца. А мы арестовали Тофика сразу же после его вторжения в номер профессора.

Борг открыл футляр и коснулся пальцами светонепроницаемой бумаги. Конверт не был заклеен. Он вынул из него фотонегатив.

– Мы вскрыли конверт и проявили пленку. Она пуста.

С глубоким чувством облегчения Борг сложил футляр и сунул его в карман. Теперь все обрело смысл: теперь он все понял: теперь он знал, что делать. Подошел поезд.

– Вы хотите сесть на него? – спросил он.

Каваш, слегка нахмурившись, кивнул в знак согласия и двинулся к поезду. Поднявшись, он остановился в дверях.

– Черт побери, я так и не понял, что в этом футляре, – признался Каваш.

«Пусть я тебе и не нравлюсь, – подумал Борг, – но считаю, что ты просто великолепен».

Он слегка улыбнулся арабу, когда двери поезда стали сдвигаться.

– А я понял.

Глава вторая

Американочка втрескалась в Ната Дикштейна по уши. Они работали бок о бок в густом винограднике, мотыжа землю и выпалывая сорняки, и легкий ветерок с Галилейского моря оведал их разгоряченные тела. Дикштейн стянул рубашку и, оставшись только в шортах и сандалиях, впитывал в себя солнце с тем наслаждением, на которое способны только горожане.

Он был худ и тонкокостен, со впалой грудью и шишковатыми коленями и локтями. Карен поглядывала на него, когда Дикштейн останавливался перевести дыхание, что порой позволял себе, хотя, казалось, в отдыхе он совершенно не нуждался. Упругие мускулы так и переливались под его смуглой, испещренной шрамами кожей. Она была чувственной женщиной, и ей страшно хотелось прикоснуться к ним пальцами и спросить, где он ими обзавелся.

Иногда он поднимал на нее глаза и ловил ее взгляд, после чего, не смущаясь, ответно улыбался, продолжая работать. Правильные черты его лица оставались бесстрастными. У него были темные глаза за круглыми стеклами дешевых очков, которые нравились поколению Карен, потому что такие носил Джон Леннон. Волосы у него тоже были темные и короткие.

Карен предпочла бы, чтобы они были подлиннее. Когда он усмехался уголком рта, то казался моложе; хотя так и так трудно определить, сколько ему на самом деле. Сила и энергия у него, как у молодого, но на предплечье у него синела татуировка концлагеря, из чего она решила, что ему не может быть меньше сорока лет.

Он прибыл в кибуц вскоре после Карен, летом 1967 года. Она со своими дезодорантами, противозачаточными пилюлями явилась в поисках места, где может жить в соответствии с идеалами хиппи, не напрягаясь двадцать четыре часа в сутки. Его же доставили сюда в машине скорой помощи. Она предположила, что он был ранен в Шестидневной войне, и остальные кибуцники неопределенно согласились, что, скорее всего, так оно и есть.

Но его принимали гораздо теплее, чем ее. Приняли ее дружелюбно, но с некоторой сдержанностью: ее философия могла принести сюда опасные осложнения. Ната же Дикштейна приняли, как давно потерянного и вернувшегося сына. Все толпились вокруг него, наперебой закармливая его, и отворачивались от его ран со слезами на глазах.

Если Дикштейн – их сын, то Эстер – их мать. Она была самым старым членом кибуца. Карен как-то сказала: «Она выглядит, как мать Голды Мейр», на это ей кто-то ответил: «Скорее, как отец Голды Мейр», что было встречено дружным смехом. Она ходила с клюкой и, хромая по поселку, давала всем непрошенные советы, некоторые, впрочем, были довольно мудрыми. Она оберегала больничную палату Дикштейна, отгоняя голосистых ребятишек, махая на них палкой и угрожая страшными карами, о которых даже дети знали, что они никогда не сбудутся.

Дикштейн оправился очень скоро. Через несколько дней он уже сидел на солнышке, чистил овощи для кухни и обменивался шуточками с малышкой. Через две недели он уже вышел работать в поле, и скоро стал трудиться с отдачей большей, чем у молодых.

Прошрое его было смутно и туманно, но Эстер рассказала Карен историю его появления в Израиле во время Войны за Независимость.

– Их было восемь или девять, некоторые из университета, а другие – простые рабочие парни из Ист-Энда. Если у них и были какие-то деньги, они их спустили, еще не добравшись до Франции. На попутных машинах они доехали до Парижа, а там сели на грузовой поезд до Марсея. Оттуда они проделали большую часть пути до Италии. Затем они украли грузовик, бывший фургон немецкой армии, «Мерседес», и покатали с ветерком по Италии. – Лицо Эстер расплылось в улыбке, и Карен подумала, что она бы с удовольствием проделала этот путь вместе с ними.

– Во время войны Дикштейн был в Сицилии, и, похоже, там он познакомился с мафией. У них была куча оружия, оставшегося после войны. Дикштейн хотел приобрести его для Израиля, но у него не было денег. Тогда он убедил сицилийцев продать полный корабль с автоматами арабским покупателям, а потом сообщил евреям, где должна состояться передача груза.

Они поняли, на что он способен, и приняли его. Сделка была заключена, сицилийцы получили свои деньги, а затем Дикштейн с друзьями угнали судно и приплыли на нем в Израиль!

Карен от души засмеялась, сидя под тенистым фиговым деревом в окружении козочек, которые боязливо смотрели на нее.

– Подожди, – остановила ее Эстер, – ты еще не слышала концовки. Кое-кто из университетских мальчиков еще ходил под парусами на яхте, а несколько других были докерами – вот и все, что они знали о море, а им предстояло своими силами перегнать судно в пять тысяч тонн водоизмещением. О навигации они знали лишь самое главное: на судне есть компас, и оно движется по картам. Дикштейн зарылся в книги, выясняя, как включить двигатель, но потом он рассказал, что в книгах не говорилось, как выключить его. Так они и влетели в Хайфу, вопя, размахивая руками и кидая в воздух шапки, как университетская футбольная команда, – и врезались прямо в пристань.

– Их, конечно, тут же простили – оружие в то время было более ценно, чем золото, в буквальном смысле слова. Вот тогда-то и прозвали Дикштейна «Пиратом».

Он меньше всего походил на пирата, работая на винограднике в старых шортах, потрепанных сандалиях и в очках, думала Карен. И в то же время ей очень хотелось соблазнить его, но она никак не могла придумать, как это сделать. Он нравился ей, и она старательно давала ему понять, что согласна. Но он не сделал ни одного движения ей навстречу. Может, он считал ее слишком молодой и невинной. Или, может, он вообще не интересовался женщинами.

Размышления Карен были прерваны его голосом.

– Думаю, мы уже кончили.

Она глянула на солнце: в самом деле пора уходить.

– Вы сделали вдвое больше меня.

– Я привык к этой работе. Я провел здесь, приезжая и уезжая, двадцать лет. Так что тело приспособилось к этому труду.

Когда они приближались к поселку, небо стало желто-пурпурным.

– А чем еще вы занимались... когда вас тут не было? – спросила Карен.

– Ну... отравлял колодцы, похищал христианских младенцев.

Карен засмеялась.

– Насколько эта жизнь напоминает вам Калифорнию? – перевел разговор на нее Дикштейн.

– Здесь восхитительно. Здесь приходится столько работать, что женщина в самом деле чувствует себя наравне с мужчиной.

– Похоже, вас волнует эта тема.

– Вы никогда не высказывались по этому поводу.

– Послушайте, я думаю, что вы правы; но для людей куда лучше дарить свою свободу, чем брать ее.

– Это звучит, – бросила Карен, – искусным извинением, когда вообще ничего не хочешь делать.

Дикштейн рассмеялся.

Входя в поселение, они прошли мимо молодого человека на муле, который с ружьем поперек седла ехал патрулировать границы поселения. Обстрелы с Голанских высот, конечно, прекратились, и детям не приходилось больше спать в подвалах, но кибуцники продолжали патрулировать. Нес свою вахту и Дикштейн.

– Я пойду почитать Мотти, – сказал Дикштейн.

– Могу я с тобой?

– Почему бы и нет? – Дикштейн посмотрел на часы. – У нас еще есть время помыться. Заходи ко мне в комнату минут через пять.

Они расстались, и Карен направилась в душ. Кибуц – прекрасное место для сирот, думала она, стягивая одежду. Родители Мотти погибли – отец во время атаки Голанских высот в ходе последней войны, мать же была убита за год до того, во время нападения феодалов. Оба были близкими друзьями Дикштейна. Конечно, для ребенка их гибель явилась трагедией; но он продолжал спать в той же комнате, есть в той же столовой и вокруг него было не меньше сотни взрослых, которые любили его и заботились о нем – он не был вверен попечению брезгливой тетки или престарелых бабушки и дедушки или, что было бы хуже всего, сиротского приюта. И у него был Дикштейн.

Смыв с себя пыль, Карен натянула чистое платье и отправилась в комнату Дикштейна. Мотти уже был здесь и располагался на коленях Дикштейна; посасывая большой палец, он слушал «Остров сокровищ» на иврите. Дикштейн был единственным человеком из всех, кого знала Карен, который говорил на иврите с акцентом кокни. На этот раз его речь была еще более странной, ибо он читал на разные голоса, изображая героев книги: высокий голос мальчика Джима, глуховатый – Джона Сильвера, полусшепот сумасшедшего Бена Ганна. Сидя под желтоватым светом электрической лампочки, Карен наблюдала за ними двумя: какой мальчишеский вид у Дикштейна и каким взрослым кажется малыш.

Когда глава подошла к концу, они отнесли Мотти в его спальню, поцеловали его на прощанье и пошли в столовую. Карен подумала, что если и дальше они будут всюду показываться вместе, то все примут их за любовников.

Они сели рядом с Эстер. После ужина она рассказала им историю, и в глазах ее посверкивали задорные искорки молодой женщины:

– Когда я прибыла в Иерусалим, тут говорили, что, если у тебя есть пуховая подушка, ты можешь купить дом.

Дикштейн охотно заглотнул наживку:

– Каким образом?

– Хорошую пуховую подушку можно было продать за фунт стерлингов. С этим фунтом ты уже мог вступить в общество взаимного кредита, которое предоставляло тебе заем в десять фунтов. Затем ты находил кусок земли. Владелец его был согласен принять десять фунтов наличными, а остальные в виде векселя. Значит, теперь ты был землевладельцем. Ты шел к строителю и говорил: «Можешь построить для себя дом на этом участке земли. А мне нужна всего лишь небольшая квартирка для меня и моей семьи».

Они дружно расхохотались. Дикштейн посмотрел в сторону дверей. Карен проследила за его взглядом и увидела на пороге незнакомца, грузного человека лет сорока с лишним, с грубым мясистым лицом. Дикштейн встал и направился к нему.

– Не разрывай себе сердце, девочка. Этот не из тех, из кого получают мужья.

Карен посмотрела на Эстер и снова уставилась на двери. Дикштейн уже исчез. Через несколько минут она услышала шум отъезжающей машины.

Эстер положила свою старую морщинистую руку на гладкую чистую кисть Карен и сжала ее.

Карен никогда больше не видела Дикштейна.

Нат Дикштейн и Пьер Борг сидели на заднем сидении большого черного «Ситроена». Вел его телохранитель Борга, и автоматический пистолет лежал на переднем сидении рядом с ним. Они мчались сквозь непроглядную тьму, и впереди летел только конус света от фар. Нат Дикштейн испытывал страх.

Ему никогда не доводилось видеть себя глазами тех, кто смотрел на него со стороны и для которых он был блистательным агентом, уже не раз доказывавшим свою способность выживать в самых невероятных условиях. Позже, когда игра вступала в свои права и ему оставалось лишь полагаться на свой ум, вплотную рассматривая стратегию действий, возникающие проблемы и людей, с которыми он сталкивался, места для страха не оставалось; но сейчас, когда Борг лишь коротко сказал, что нуждается в нем, он ничего не знал, не мог предвидеть и собраться. Он знал лишь, что ему придется повернуться спиной к пришедшему к нему миру и трудной работе, где он возделывал землю под солнцем и воспитывал малыша; что его ждут впереди лишь неописуемый риск и большие опасности, напластования лжи, боль, кровь и, возможно, смерть. Так что он сидел в углу сидения, плотно сжав ноги, скрестив руки, наблюдая за смутными очертаниями лица Борга в полумраке салона, пока страх перед неизвестностью угловатым комком лежал у него под ложечкой, вызывая приступ тошноты.

В неверных отблесках света Борг походил на великана из волшебных сказок. У него были грубые черты лица: толстые губы, широкие скулы и глубоко запавшие глаза, затененные густыми бровями. Ребенком он не раз слышал, что уродлив, так и вырос с этим убеждением – он уродлив. Когда он чувствовал определенное замешательство – вот как сейчас, то руки его беспрестанно находились около лица, прикрывая рот, потирая нос, поглаживая лоб в подсознательных попытках скрыть нерешительность. Как-то в редкий момент расслабления Дикштейн спросил его: «Почему вы на всех орете?» – на что получил ответ: «Да потому что все долбаные красавцы».

Дикштейн работал под началом Борга десять лет, но так и не проникся симпатией к этому человеку. Ему казалось, что он понимал несчастную беспокойную натуру Борга; он уважал его профессионализм и его одержимую преданность разведке Израиля, но, с точки зрения Дикштейна, этого недостаточно, чтобы полюбить человека. Когда Борг врал ему, у него всегда были на то весомые причины, но Дикштейн от всей души презирал любую ложь.

Он отвечал ему тем, что обращал тактику Борга против него же. Он отказывался сообщать, куда направляется, или откровенно врал. Он никогда не действовал строго по расписанию, когда занимался оперативной работой и был в поле: он просто звонил или слал послания с безапелляционными требованиями. А порой он просто скрывал от Борга часть или полностью план своих замыслов. Это не давало Боргу возможности вмешиваться, предлагая свои собственные схемы, что обеспечивало несколько более высокий уровень безопасности, хотя Боргу приходилось иметь дело с политиками и налаживать сотрудничество с оппозицией. Дикштейн знал, что его положение неколебимо – на его счету было много триумфов, которые и обеспечивали карьеру Борга, – и он выжимал из своего положения все, что оно могло дать.

– После Шестидневной войны, – заговорил Борг, – одна из самых ярких личностей в Министерстве обороны написала бумагу, озаглавленную «Неминуемое уничтожение Израиля». Она содержала следующие аргументы. Во время Войны за Независимость мы покупали оружие у Чехословакии. Когда советский блок принял сторону арабов, мы обратились к Франции, а потом к Западной Германии. Как только арабы узнали об этом, немцы тут же прервали все сделки. Франция объявила эмбарго после Шестидневной войны. И Британия, и Соединенные Штаты неизменно отказываются снабжать нас оружием. Один за другим мы теряем источники вооружения.

Предположим, что мы можем возмещать эти потери, постоянно находя новых поставщиков и создавая собственную военную индустрию, но даже в этом случае не подлежит сомнению тот факт, что в гонке вооружений на Ближнем Востоке Израиль обязательно проиграет ее. В ближайшем будущем богатство нефтедобывающих стран будет расти. Наш оборонный бюджет уже является непосильной ношей для национальной экономики, когда наши враги просто не знают, на что потратить свои миллиарды. Когда у них десять тысяч танков, нам нужно шесть

тысяч, когда у них двадцать тысяч, нам нужно двенадцать тысяч; и так далее. Просто каждый год удваивая свои запасы оружия, мы пустим ко дну экономику без единого выстрела.

Наконец, недавняя история Ближнего Востока доказывает, что локальные войны вспыхивают там, в среднем, раз в десятилетие. И логика этого процесса направлена против нас. Время от времени арабы могут себе позволить проиграть войну. Мы не можем: первая же проигранная война станет для нас и последней.

Вывод: выживание Израиля зависит от того, насколько решительно мы сможем пресечь спираль гонки вооружений, в которую враги втягивают нас.

– Эта система размышлений отнюдь не нова, – кивнул Дикштейн. – Она является обычным аргументом за «мир любой ценой». И я склонен думать, эта яркая личность была изгнана из Министерства обороны после того документа.

– В обоих случаях ты ошибся. Дальше он писал: «Мы должны нанести поражение или обладать такой мощью, чтобы нанести невосполнимые потери следующей арабской армии, которая пересечет наши границы. Мы должны иметь ядерное оружие».

На несколько мгновений Дикштейн застыл, а потом, присвистнув, перевел дыхание. То была одна из убийственных идей, которая, стоит ее высказать, выглядит совершенно очевидной. Он помолчал какое-то время, оценивая сказанное. В голове у него крутилась масса вопросов. Возможно ли это с технической точки зрения? Помогут ли американцы? Одобрят ли кабинет министров? Не ответят ли арабы созданием своей собственной бомбы? Но сказал он лишь:

– Яркая личность в Министерстве обороны, черта с два. Это документ Моше Даяна.

– Комментариев не будет, – ответил Борг.

– И кабинет согласился?

– Были долгие дебаты. Некоторые почтенные государственные деятели заявили, что они не могут позволить себе ввергнуть Ближний Восток в ядерный холокост. Оппозиция же прибегла к доводам, что, если у нас будет бомба, то арабы ответят тем же, и нас снова загонят в угол. И как выяснилось, они по-крупному ошибались. – Борг залез в карман и вытащил из него небольшой пластиковый футляр. Он протянул его Дикштейну.

– Что это? – спросил тот, открыв футляр.

– Некий физик, по имени Фридрих Шульц, посетил Каир в феврале. Он австриец, работает в Соединенных Штатах. Проводил отпуск в Европе, но его билет до Египта был оплачен египетским правительством. Я дал указание проследить за ним, но ему удалось ускользнуть от нашего паренька, и он пропал где-то в Западной пустыне сорок восемь часов. По снимкам со спутников ЦРУ мы знаем, что там ведется какое-то большое строительство, занимающее часть пустыни. Когда Шульц вернулся, в кармане у него была вот эта штучка. Это личный дозиметр. Светонепроницаемая оболочка скрывает под собой кусочек обыкновенной фотопленки. Вы держите конверт в кармане или прищипливаете его к одежде. Если вы подверглись радиоактивному излучению, пленка при проявлении тускнеет. Дозиметры в обязательном порядке вручаются всем, кто работает или посещает ядерные силовые станции.

– Вы хотите сказать мне, что арабы уже делают атомную бомбу.

– Совершенно верно, – подчеркнуто громко подтвердил Борг.

– Так что кабинет министров дал Даяну возможность начать работу над нашей собственной бомбой.

– В принципе, да.

– То есть?

– Существуют некоторые практические трудности. Механическая часть ее довольно проста – так сказать, бомба с часовым механизмом. Любой, кто имел дело с конструкциями обыкновенных бомб, может создать и атомную. Проблема заключается во взрывчатке, в плутонии. Его можно получать на атомном реакторе. Он является побочным продуктом. Реактор у нас есть, в Негевской пустыне, в Димоне. Вы знали об этом?

– Да.

– У нас катастрофически не умеют хранить тайны. Как бы там ни было, у нас нет оборудования для извлечения плутония из отработанного топлива. Мы можем построить соответствующее предприятие, но проблема в том, что у нас нет собственного урана, чтобы запустить реактор.

– Минутку? – нахмурился Дикштейн. – То есть, нам нужен уран, чтобы загрузить в реактор и запустить его.

– Правильно. Мы получаем уран из Франции, но она поставляет его нам на том условии, что мы возвращаем ей уже использованное топливо для последующей обработки и извлечения плутония.

– Другие поставщики?

– Выдвинут те же самые условия – это часть условий договора о нераспространении ядерного оружия.

– Но ведь люди в Димоне могли бы утаить часть использованного топлива...

– Нет. При поставках урана можно с предельной точностью вычислить, сколько плутония должно из него получиться. И взвешивается он очень тщательно – это дорогая штука.

– То есть, проблема в том, чтобы раздобыть какое-то количество урана?

– Совершенно правильно.

– И ее решение?

– Решение в том, что ты его украдешь.

Дикштейн смотрел в окно машины. Вышла луна, и ее лучи освещали отару овец, сгрудившихся на краю пастбища, которых охранял араб-пастух с посохом – библейская сцена. Вот, значит, в чем заключается суть игры: украсть уран для страны молока и меда. В прошлый раз это было убийство лидера террористов в Дамаске; до этого – шантаж богатого араба в Монте-Карло, чтобы он прекратил субсидировать федаинов.

Дикштейн предавался воспоминаниям, пока Борг продолжал говорить о политике, Шульце и ядерном реакторе. Наконец он понял, что повествование Борга имеет отношение к нему, и снова появился страх, вместе с которым пришли и другие воспоминания. После смерти отца семья впала в отчаянную бедность, и когда приходили кредиторы, Ната посылали к двум братьям говорить, что мамы нет. В тринадцать лет он испытывал невыносимое унижение, потому что кредиторы знали, что он врет, и он знал, что они знают, и они смотрели на него со смесью презрения и жалости, которая пронзала его до мозга костей. Он никогда не сможет забыть это чувство – и оно всплывало откуда-то из подсознания, когда кто-то вроде Борга говорил нечто вроде: «Малыш Натаниел, иди и укради уран для своей родины».

И теперь он обратился к Пьеру Боргу:

– Если нам так и так придется его красть, почему бы просто не закупить его и отказаться возвращать?

– Потому что в таком случае всем будет известно, для чего он нам понадобился.

– Ну и?

– Извлечение плутония требует времени – многих месяцев. За это время могут случиться две вещи: во-первых, египтяне ускорят свою программу, и, во-вторых, американцы надавят на нас, чтобы мы отказались от создания бомбы.

– Ах, вот как! – Это было хуже всего. – Значит, вы хотите, чтобы я украд его, и никто не догадался, что он предназначен нам.

– Более того, – голос Борга стал хриплым и напряженным. – Никто не должен знать, что уран украден. Все должно выглядеть так, будто товар просто пропал. Тогда и владелец, и международные агентства постараются замять это дело. И затем, когда им станет ясно, что их надули, они уже будут в плену своей версии.

– Но все сразу же может вскрыться.

– Не раньше, чем у нас будет своя бомба.

Они выехали на прибрежное шоссе от Хайфы до Тель-Авива, и, когда машина мчалась сквозь ночь, Дикштейн видел справа от себя отблески глади Средиземного моря, поблескивающие словно драгоценности в ночи. Заговорив, он сам удивился нотке усталого смирения в своем голосе.

– Сколько урана нам может понадобиться?

– Необходимо создать двенадцать бомб. То есть, примерно сто тонн урановой руды.

– В таком случае, в карман мне их не сунуть, – Дикштейн нахмурился. – Во сколько она обойдется в случае покупки?

– Что-то больше миллиона долларов США.

– И вы считаете, что потеряв такую сумму, владелец руды предпочтет замять дело?

– Если все будет сделано правильно.

– Каким образом?

– Это уже твое дело, Пират.

– Я не уверен, что это вообще возможно.

– Должно стать возможным. Я сказал премьер-министру, что мы беремся. Я поставил на кон свою карьеру, Нат.

– Да перестаньте мне талдычить о вашей долбаной карьере.

Борг закурил еще одну сигарету – нервная реакция на резкость Дикштейна. Дикштейн на дюйм опустил стекло окна, чтобы вытягивался дым. Его внезапная враждебность не имела ничего общего с просьбой Борга: она была типична для человека, которого не очень волновало, как люди к нему относятся. Дикштейна куда больше тревожило видение грибовидного облака над Каиром и Иерусалимом, хлопковые поля вдоль Нила и виноградники у Галилейского моря, превратившиеся в выжженное стекловидное пространство, Ближний Восток, занявшийся пламенем, и поколение за поколением изуродованных детей.

– И все же, я думаю, что единственной альтернативой может быть только мир.

– Не имею представления. Я не занимаюсь политикой, – пожал плечами Борг.

– Дерьмо собачье.

– Слушай, если у них есть бомба, то и нам надо обзавестись ею, не так ли? – вздохнул Борг.

– Если бы дело было только в этом, мы могли бы просто созвать пресс-конференцию, объявить, что египтяне создали атомную бомбу и предоставить миру возможность остановить их. Я же думаю, что нашим так и так хочется иметь бомбу. И, думаю, они только рады этому поводу.

– И, возможно, они правы! – отрезал Борг. – Мы не можем каждые несколько лет ввязываться в войну – в один прекрасный день мы, наконец, потерпим поражение.

– Мы можем заключить мир.

– До чего ты наивен, – фыркнул Борг.

– Если мы договоримся о некоторых вещах: оккупированные территории, Закон о возвращении, равные права для арабов в Израиле...

– У арабов есть равные права.

Дикштейн безрадостно улыбнулся.

– Вы чертовски наивны.

– Слушай! – Борг сделал усилие, чтобы взять себя в руки. – Может, мы и должны продать наше право первородства за чечевичную похлебку. Но мы живем в реальном мире, и люди в этой стране не будут голосовать за мир-любой-ценой; да в глубине души ты и сам знаешь, что арабы отнюдь не торопятся заключать мир. Так что в реальном мире мы по-прежнему должны драться с ними, и, в таком случае, нам уж лучше украсть для себя уран.

– Вот что мне не нравится в вас больше всего, это то, что вы всегда правы.

– Понимаешь ли, – Борг явно сердился, – с подавляющим большинством моих людей я не испытываю необходимости спорить о политике каждый раз, когда даю им задание. Они просто выслушивают приказ и отправляются его выполнять, как и подобает оперативнику.

– Я вам не верю, – заявил Дикштейн. – Это нация идеалистов, в противном случае от нее бы ничего не осталось.

– Может быть, и так.

– Я как-то знал человека по имени Вольфганг. Он тоже любил говорить: «Я просто выслушиваю приказы». А потом принимался ломать мне ногу.

– Ага, – кивнул Борг. – Ты мне уже рассказывал.

Когда компания нанимает бухгалтера для ведения своей документации, первое, что он делает, так это объявляет, что у него такой объем работы, связанной с финансовой политикой компании, что он нуждается в младшем бухгалтере. Нечто подобное происходит и со шпионами. Некая страна организует разведывательную службу, дабы выяснить, сколько танков у соседей и где они базируются, но прежде, чем это удастся выяснить, разведслужба оповещает, что она настолько поглощена слежкой за подрывными элементами внутри страны, что нуждается в специальном военном подразделении.

Именно так и было в Египте в 1955 году. Только что оперившаяся разведслужба страны сразу же разделилась на два управления. Военная разведка занималась подсчетом израильских танков; служба же общих расследований пожинала все лавры.

Человек, под началом которого находились оба управления, именовался Директором Главной Разведслужбы, и предполагалось – теоретически – что он будет подчинен министру внутренних дел. Но, как правило, глава государства сам хочет руководить шпионским департаментом. На то есть две причины. Одна из них заключалась в том, что этим шпионам постоянно греются какие-то бредовые планы убийств, шантажа и вторжения и они могут причинить массу беспокойств, если не придерживать их на твердой земле реальности, так что и президент, и премьер-министр предпочитают сами приглядывать за этим департаментом. Вторая причина заключалась в том, что разведка – источник власти, особенно в странах с нестабильными режимами, и глава государства хотел, чтобы эта власть принадлежала только ему.

Так что Директор Главной Разведслужбы в Каире обычно выходил с докладом или прямо на Президента, или на государственного министра при нем.

Каваш, тот самый высокий араб, который при допросе убил Тофика, а потом передал дозиметр Пьеру Боргу, работал в управлении общих расследований в его гражданской части. Он был умным достойным человеком с большим чувством ответственности, но в то же время глубоко религиозен – до мистицизма. Именно это определяло его глубоко укоренившиеся взгляды на реальный мир. Он принадлежал к той ветви христианских верований, которая считала, что возвращение евреев в Землю обетованную предначертано в Библии и знаменует конец царства земного. Противостоять этому возвращению – смертный грех, работать же ему на пользу – святая обязанность... Поэтому Каваш и стал двойным агентом.

Всего себя он отдавал только работе. Вера привела его в глубины секретной службы, и постепенно он терял друзей, соседей и даже – с большим исключением – членов семьи. У него не было никаких личных желаний, кроме намерения оказаться на небе. Он вел аскетический образ жизни, и единственное, его развлечение – подсчет очков в шпионских играх. Он несколько напоминал Пьера Борга, но с небольшой разницей: Каваш чувствовал себя счастливым человеком.

Хотя в настоящее время он был взволнован. Пока он потерял очки в деле, которое началось с появления профессора Шульца, что его расстраивало. Проектом в Каттаре занималось не управление общих расследований, а другая ветвь разведслужбы – военная разведка. Тем не

менее, Каваш, торопясь и успокаивая себя, во время долгих ночных бдений разработал план проникновения на секретный объект.

Его второй кузен Ассам работал в офисе Директора Главной Разведслужбы, в отделе, который координировал действия военной разведки и управления общих расследований. Ассам был значительно старше Каваша, но тот был куда хитрее.

В самое жаркое время дня два кузена сидели в задней комнатке маленькой грязной кофейни близ Шериф-Паша, курили, пили липкий густой лимонный ликер и клубами дыма отгоняли надоедливых мух. В своих легких пиджаках и усиками «а-ля Насер» они были очень похожи. Каваш хотел с помощью Ассама что-то узнать о Каттаре. Он тщательно разработал линию разговора, в ходе которого надеялся расколоть брата, но понимал, что должен действовать очень осторожно в надежде получить поддержку Ассама. Несмотря на съедавшее его внутреннее беспокойство, он был, как всегда, уверен в себе и невозмутим. Начал он беседу с достаточно прямого вопроса:

– Брат мой, знаешь ли ты, что происходит в Каттаре?

Правильные черты лица Ассама приобрели уклончивое выражение.

– Если тебе неизвестно, я не имею права рассказывать.

Каваш покачал головой, давая понять, что Ассам явно не понял его.

– Мне не нужно, чтобы ты выдавал мне секреты. Кроме того, я и сам могу догадаться, какой цели служит проект. – Это было ложью. – Меня беспокоит лишь, что контролирует его Мараджи.

– Каким образом?

– Я о тебе думаю. О твоей карьере.

– Меня не беспокоит...

– Значит, стоит побеспокоиться. Мараджи хочет занять твое место, и ты должен знать об этом.

Владелец кафе принес блюдо с оливками и две плоские тарелки с «питой», местным хлебом. Каваш молчал, пока тот не покинул их. Он видел, что ложь относительно Мараджи привела Ассама в состояние неопределенного беспокойства.

– Я предполагаю, – продолжил Каваш, – что Мараджи выходит с докладами прямо на министра.

– Хотя и я вижу все документы, – возразил Ассам.

– Но ты не знаешь, о чем он говорит с глазу на глаз с министром. У него очень сильное положение.

– Кстати, как тебе удалось узнать о сути проекта? – нахмурился Ассам.

Каваш прислонился спиной к прохладной цементной стенке.

– Один из людей Мараджи исполнял обязанности телохранителя в Каире и установил, что за ними следят. На хвосте у него сидел израильский агент по имени Тофик. У Мараджи не было оперативников в городе, так что его просьба о помощи поступила прямо ко мне. Я и взял этого Тофика.

Ассам с отвращением фыркнул.

– Плохо, что он позволил следить за собой. Еще хуже, что он обратился не в то управление за помощью. Просто ужасно.

– Может, нам удастся что-то с этим сделать, брат мой.

Ассам почесал нос пальцем, унизанным кольцами.

– Продолжай.

– Расскажи Директору о Тофике. Скажи, что Мараджи, несмотря на его несомненные таланты, допустил тут ошибку, потому что еще молод и неопытен по сравнению с таким, как ты сам. Настаивай, что ты сам должен заняться личным составом тех, кто имеет отношение к проекту в Каттаре. Затем доверь эту работу преданному тебе человеку.

– Понимаю, – медленно склонил голову Ассам. – Очень хороший план. Сегодня же переговорю с Директором. И я благодарен тебе, брат.

Каваш должен был сказать кое-что еще – может быть, самое важное – но хотел обронить это в подходящий момент. Он решил, что имеет смысл подождать несколько минут. Встав, он сказал:

– Не ты ли всегда опекал меня?

Они вышли бок о бок в пекло дня.

– И я немедленно же начну поиски нужного человека, – заявил после некоторого молчания Ассам.

– Ах да, – спохватился Каваш, словно только что припомнив какую-то незначительную деталь. – У меня есть человек, который просто идеально подойдет тебе. Он умный, толковый и очень надёжный – сын брата моей старшей покойной жены.

Глаза Ассама сузились.

– Значит, он будет все докладывать и тебе тоже.

– Если ты считаешь, что прошу у тебя слишком многого... – Каваш развел руки в жесте молчаливого сожаления.

– Нет, – возразил Ассам. – Мы же всегда помогали друг другу.

Пьер Борг знал Ната Дикштейна лет двадцать. В конце 1948 года Борг не сомневался, что у этого мальчишки нет никаких данных, чтобы стать толковым агентом, несмотря на его авантюру с судном. Тощий, бледный, неловкий и несобренный. Но решение принимал не Борг, и Дикштейн поступил под его начало. И Борг быстро уяснил, что при всех неказистых внешних данных, мальчишка чертовски умен и хитер. Кроме того, он обладал каким-то странным обаянием, сути которого Борг не понимал. Кое-кто из женщин в Моссаде просто с ума сходили по нему – хотя остальные, включая и Борга, не видели в нем ничего эдакого особенного. Во всяком случае, Дикштейн ни к кому не проявлял интереса: в его досье было записано: «Сексуальная жизнь: никакой».

С годами Дикштейн обрел и опыт и знания, и теперь Борг мог положиться на него больше, чем на любого другого агента. По сути, будь у Дикштейна личные амбиции, он мог бы занять пост самого Борга.

Тем не менее, Борг так и не понял, как Дикштейн воспринял его инструктаж.

В Моссаде были и другие люди, которые могли справиться с расплывчатым планом не хуже Дикштейна – например, Майк, глава отдела специальных операций, да и сам Борг. Но не было никого, кому Борг мог сказать, как Нату Дикштейну: вот проблема – иди и решай ее.

Они вдвоем провели весь день в специальном укрытии Моссада в городке Рамат Ган, неподалеку от Тель-Авива. Проверенные сотрудники Моссада с револьверами в кобурах под мышкой готовили им кофе, подавали еду и патрулировали сад. Утром Дикштейн встретился с молодым преподавателем физики из института имени Вейцмана в Реховоте. У ученого были длинные волосы, цветной галстук, и он объяснял химические свойства урана, природу радиоактивности и понятие критической массы с бесконечным терпением и предельно ясно. После ленча Дикштейн разговаривал с администратором из Димоны об урановых шахтах, обогачительных фабриках, технике обращения с ядерным топливом, его складирования и транспортировке, о правилах безопасности и интернациональных законах, о Международном Агентстве по атомной энергии, о Комиссии по атомной энергии США, о соответствующих учреждениях в Британском королевстве и Евроатоме.

К вечеру Борг и Дикштейн вместе пообедали. Борг сидел на какой-то диете, питаясь салатами и вываренным мясом, но выпил большую часть бутылки красного израильского вина. Он извинился, объяснив, что должен успокоить нервы, дабы его беспокойство не передалось Дикштейну.

После обеда он вручил Дикштейну три ключа.

– Тут полные наборы для тебя в сейфах в Лондоне, Брюсселе и Цюрихе, – сказал он. – В каждом – паспорта, водительские удостоверения, наличные и оружие. Если тебе придется воспользоваться каким-нибудь из них, оставь в сейфе старые документы.

– Отчитываться я должен перед вами или перед Майком?

«Да ты вообще никогда ни перед кем не отчитываешься, сукин ты сын», – подумал Борг, но вслух сказал:

– Будь любезен – передо мной. При первой же возможности звони прямо мне, но пользуйся кодовым языком. Если не сможешь связаться со мной, свяжись с любым посольством и пусти в ход код встречи – а я уж попытаюсь найти тебя, где бы ты ни был. И, в крайнем случае, шли закодированное письмо дипломатической почтой.

Дикштейн бесстрастно кивнул: все это было привычной рутинной. Борг смотрел на него, стараясь проникнуть в его мысли. Что он чувствует? Считает ли, что справится с заданием? Есть у него какие-то идеи на этот счет? Собирается ли он сначала прощупать все возможности и лишь потом сообщить, что задание представляется невозможным? Убежден ли он, что создание бомбы пойдет на пользу Израилю?

– Тут должен быть какой-то предельный срок, – заметил Дикштейн.

– Да, но мы не знаем, что он собой представляет, – Борг вытащил из салата кружочки лука. – Мы должны сделать нашу бомбу раньше египтян. Это значит, что твой уран должен быть заправлен в наш реактор до того, как заработает египетский. После этого все зависит лишь от химии – ни та, ни другая сторона не могут заставить атомы двигаться быстрее, чем им положено. Первый, кто начнет, первым и придет к финишу.

– Нам нужен какой-нибудь агент в Каттаре.

– Над этим я и работаю.

– И нам необходим очень толковый человек в Каире, – добавил Дикштейн.

Вот об этом Боргу говорить не хотелось.

– К чему ты клонишь, пытаешься выкачать из меня информацию? – вопросом на вопрос ответил он.

– Просто думаю вслух.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Борг выловил еще несколько луковых колечек. Наконец обронил:

– Я сказал тебе, чего я жду, но все решения, как этого добиться, предоставляю принимать тебе.

– Ну еще бы, – Дикштейн встал. – Думаю, надо поспать.

– Есть ли у тебя какие-нибудь идеи относительно того, как начать?

– Да, есть. Спокойной ночи.

Глава третья

Нат Дикштейн никогда не предполагал, что может стать секретным агентом. Необходимость постоянно обманывать угнетала и утомляла его. Он вечно врал людям, скрывался, то и дело представляя в том обличье, которое ему совершенно не свойственно. Никогда не покидала тревога, что его вот-вот разоблачат. И часто мучили кошмары, что его окружают полицейские и с криками: «Ты шпион!» волокут в тюрьму, где ломают ему ногу.

Сейчас Дикштейн тоже находился в достаточно неудобном положении. Его ждала встреча с пресс-офицером Евроатома Пфаффером, но, по всей видимости, он пришел слишком рано.

Пфаффер оказался молодым человеком с недоверчивым выражением лица и потрепанным коричневым портфелем в руках. Дикштейн последовал за ним в столь же растерзанный, как и его хозяин, кабинет и принял предложение выпить кофе. Они говорили по-французски. Дикштейн выступал под личиной представителя парижского отделения серьезного журнала «Международная наука». Он признался Пфафферу, что втайне лелеет мысль работать в «Сайентифик Америкен».

– Что вы пишете сейчас? – спросил его Пфаффер.

– Статья называется «НУМ» – «Неучтенные материалы». В Соединенных Штатах, – объяснил он свой замысел, – постоянно теряются радиоактивные материалы. Здесь же, в Европе, как мне рассказали, налажена международная система по их отслеживанию.

– Совершенно верно, – кивнул Пфаффер. – Все страны, входящие в Евроатом, осуществляют контроль за расщепляющимися материалами. Во-первых, у нас есть полный список гражданских учреждений, у которых находятся их запасы – от шахт до производственных предприятий, складов, реакторов и перерабатывающих фабрик.

– Вы говорите о гражданских учреждениях...

– Да, военные не входят в наш список.

– Продолжайте. – Дикштейн с удовольствием предоставил Пфафферу излагать ситуацию, чтобы офицер не догадался, насколько ограничены знания Дикштейна по этой теме.

– Для примера, – продолжал Пфаффер. – возьмем предприятия, делающие из урановой руды ядерное топливо. Сырье, поступающее на завод, взвешивается и подвергается анализу инспекторами Евроатома. Их данные вводятся в компьютер Евроатома и сопоставляются с информацией инспекторов добывающих предприятий – в этом случае речь может идти об урановых шахтах. Если налицо разница между количеством породы, выданной на-гора из шахт, и тем ее количеством, что поступило на фабрику, компьютер сразу же обнаружит расхождение. Так же оценивается и материал, покидающий предприятие – и по количеству и качеству. Эти данные, в свою очередь, будут сопоставлены с цифрами, поступающими от инспекторов, наблюдающих за использованием ядерного топлива – допустим, на атомных электростанциях. Все отходы на них также взвешиваются и анализируются. Этот процесс контроля и двойной проверки включает в себя и конечное использование радиоактивных отходов. И, наконец, как минимум, дважды в год на предприятиях производится инвентаризация отходов.

– Понимаю. – Рассказ произвел на Дикштейна глубокое впечатление и серьезно обескуражил. Без сомнения, Пфаффер несколько преувеличивал эффективность системы, но, если даже делается лишь половина проверок, о которых шла речь, как можно стащить сто тонн сырья без того, чтобы это не было отмечено компьютером? Чтоб поощрить Пфаффера к дальнейшему разговору, он с восхищением отметил: – То есть, в любой данный момент вашим компьютерам известно местонахождение любой щепотки урана в Европе?

– В пределах стран-членов Евроатома – Франции, Германии, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. И речь идет не только об уране, но и обо всех радиоактивных материалах.

- Как он транспортируется?
- Все детали перевозок должны получить наше одобрение.

Дикштейн захлопнул блокнот.

- Похоже, система в самом деле отличная. Могу ли я увидеть ее в действии?
- Это уже зависит не от нас. В каждой отдельной стране вы должны связаться с руководителями атомной энергетики и попросить разрешения посетить установки. На некоторые из них организовываются туристские туры.

- Не можете ли дать мне список их телефонов?
- Конечно. – Встав, Пфаффер открыл ящик с досье.

Дикштейн, решив одну проблему, столкнулся с другой. Он хотел выяснить, в каком ему двигаться направлении, чтобы найти хранилища радиоактивных материалов, и получил ответ: в компьютерах Евroatома. Но все запасы урана, о которых было известно компьютерам, находились под жестким контролем, который практически не позволял похитить ни грамма.

Пфаффер протянул ему листик. Сложив его, Дикштейн сунул бумагу в карман.

- Благодарю вас за содействие.
- Где вы остановились? – спросил Пфаффер.
- В «Альфе», напротив железнодорожного вокзала.

Пфаффер проводил его до дверей.

- Люксембург вам понравится.
- Надеюсь, – ответил Дикштейн, пожимая его руку.

Память порой откалывает странные штуки. Дикштейн понял это еще маленьким ребенком, когда сидел в душевой комнатке деда над булочной в Майл-Энд-роуд, с трудом разбираясь в странных начертаниях букв ивритского алфавита. Идея заключалась в том, что в памяти должен был отложиться лишь один образ, который и предстояло запомнить, не обращая внимания ни на что остальное. Чем и занимался Дикштейн, рассматривая лица сотрудников Евroatома.

Секретарши, посыльные и буфетчицы ему не нужны, как и старшие администраторы. Он заинтересован в персонале, занимавшем промежуточное между ними положение, – программисты на компьютерах, управляющие отделами, руководители небольших департаментов, личные помощники и заместители шефов. Для каждого из них он подобрал соответствующие псевдонимы, дающие представления об их характерных чертах: Воротничок, Тони Куртис, Безносый, Седой, Запата, Толстячок.

Он провел еще три дня, так и не сдвинувшись, с места. Наблюдение за Запатой, Толстячком и Тони Куртисом ничего не дало.

Но Воротничок принес ему удовлетворение.

Он был примерно в возрасте Дикштейна, стройный элегантный мужчина в темно-синем пиджаке, с гладким синим галстуком и в белоснежной рубашке с накрахмаленным воротничком. Его длинные волосы, несколько длиннее, чем полагались бы мужчине в его возрасте, седели на висках. Туфли на нем были ручной работы.

Покинув офис, он пересек речку Альзетте и поднялся в старый город. Двинувшись по уходящей под откос мощеной улочке, он вошел в старый дом с террасой. Через две минуты в одном из высоких окон вспыхнул свет.

Дикштейн слонялся вокруг в течение двух часов. Когда Воротничок, наконец, вышел, на нем были плотно облегающие светлые брюки и оранжевый шарф вокруг шеи. Волосы у него на этот раз были зачесаны вперед, что несколько молодило его, и походка у него стала легкой и раскованной.

Дикштейн проследовал за ним до Рюк Дик, где тот нырнул в неосвещенный подъезд и исчез. Дикштейн остался снаружи. Через открытую дверь он не видел ничего, что давало бы представление о пространстве за ее пределами. Уходящая вниз лестница была смутно освещена. Прислушавшись, Дикштейн уловил слабые звуки музыки.

Его миновали двое молодых людей в схожих желтых джинсах и тоже вошли внутрь. Один из них, полуобернувшись, улыбнулся ему и сказал: «Да, это именно здесь». Дикштейн последовал за ними по ведущей вниз лестнице.

Там оказался заурядный ночной клуб со столиками, креслами, с несколькими нишами, с маленькой танцплощадкой и оркестром из трех человек в углу. Уплатив за вход, Дикштейн расположился в нише, скрытой от взглядов Воротничка, и заказал пиво.

Он уже почти догадался, почему тут такая странная атмосфера, и, оглядевшись, получил подтверждение своей мысли: здесь располагался клуб гомосексуалистов. Несколько посетителей пользовались легким макияжем, пара могучих личностей располагалась около стойки бара, а очень хорошенькая девушка держалась за руки с пожилой женщиной в брюках; большая часть обитателей клуба была одета совершенно нормально с точки зрения европейца, и не было ни одного в затрапезном виде.

Воротничок сидел в компании пышноволосого человека в двубортном пиджаке. Дикштейн ничего не имел против гомосексуалистов как таковых. Для него Воротничок – человек, который работает в Евроатоме и виновен лишь в том, что обладает интересующими его сведениями.

Джазовое трио сменилось гитаристом, который исполнял немецкие народные песенки. Дикштейн не улавливал смысла большинства шуток, но остальная аудитория дружно хохотала. Несколько пар танцевало.

Дикштейн увидел, как Воротничок положил руку на колено своего спутника. Встав, направился к их нише.

– Привет, – весело сказал он. – Не вас ли я видел в Евроатоме недавно?

Воротничок побелел.

– Не знаю...

Дикштейн стиснул ему руку.

– Эд Роджерс, – представился он, называясь именем, под которым знал его Пфаффер. – Я журналист.

– Как поживаете, – пробормотал Воротничок. Несмотря на потрясение, у него хватило сообразительности не назваться.

– Мне пора бежать, – извинился Дикштейн. – Был очень рад увидеться с вами.

– Тогда до свиданья.

Повернувшись, Дикштейн покинул клуб. На данный момент он сделал все, что необходимо: Воротничок понял, что его тайны больше не существуют, и испугался.

Дикштейн направился к себе в гостиницу, чувствуя стыд и угрызения совести.

На Рю Дик он почувствовал слезку.

Хвост явно был непрофессионален и даже не делал попытки как-то замаскироваться. Шел за ним в пятнадцати-двадцати ярдах, и кожаные подметки его туфель громко шлепали по тротуару. Дикштейн сделал вид, что ничего не замечает. Пересекая улицу, он мельком глянул на преследователя. Это был крупный молодой человек с длинными волосами, в коричневой кожаной куртке.

Через несколько мгновений из тени выступил другой молодой человек и остановился прямо перед Дикштейном, перегородив дорогу. Дикштейн остановился и стал ждать развития событий, раздумывая – что за черт? Он не мог себе представить, кому необходимо его выслеживать, почему те, кому это надо, пустили по следу неловких любителей.

В свете фонаря блеснуло лезвие. Преследователь сзади приблизился к нему.

Молодой человек перед ним сказал:

– Ладно, красавчик, гони-ка нам свой бумажник.

Дикштейн испытал глубокое облегчение. Это были всего лишь уличные грабители, которые решили, что любой, покидающий ночной клуб, может стать их легкой добычей.

– Не бейте меня. Я отдам вам все деньги. – Он вынул бумажник.

– Давай его сюда, – приказал юноша.

Дикштейн не хотел вступать в драку с ними, но, если он мог легко расстаться с наличностью, то попал бы в затруднительное положение, потеряв все свои документы и кредитные карточки. Он вынул из бумажника банкноты и протянул их нападающим.

– Документы мне нужны. Возьмите деньги, и я ничего не сообщу о нашей встрече.

Стоящий впереди схватил деньги.

– Бери и кредитные карточки, – опять приказал тот, что сзади.

Стоящий впереди казался явно послабее. Дикштейн внимательно пригляделся к нему и вежливо попросил:

– Почему бы тебе не убраться у меня с пути, сынок? – И шагнул вперед, обойдя молодого человека по мостовой.

Кожаные подметки выбили дробь, кинувшись за Дикштейном, и теперь ему ничего больше не...

Резко повернувшись, он перехватил ногу этого мальчишки, когда тот занес ее для удара, и одним движением сломал ему коленную чашечку. Вскрикнув от боли, парень рухнул.

Владелец ножа бросился на Дикштейна. Отпрыгнув назад, Нат нанес удар нападавшему по голени, отклонился и снова ударил. Последовал выпад ножом. Отпрыгнув, Дикштейн нанес ему третий удар, точно в то же место. Раздался звук ломающейся кости, и грабитель рухнул на землю.

Несколько секунд Дикштейн смотрел на двух изувеченных воришек. Он чувствовал себя в роли отца, которому пришлось наказывать непослушных детей. Сущие дети, лет семнадцати, прикинул он. Они были опасны, охотясь за гомосексуалистами, но этим вечером Дикштейн занимался тем же.

Он двинулся дальше. Перед ним был весь вечер, и все забудется. Нат решил, что утром покинет город.

Когда Дикштейн работал, то старался отсиживаться в гостинице, чтобы никому не попадаться на глаза. Он позволял себе даже выпивать, хоть пить во время операции было бессмысленно – алкоголь лишал ясности восприятия – и, в общем-то, он не испытывал потребности в нем. Он проводил часть времени, глядя из окна или просиживая у мерцающего экрана телевизора. Он не бродил по улицам, не околачивался в баре отеля, даже не спускался в гостиничный ресторан, предпочитая заказывать еду в номер. Но был определенный предел предосторожностям: человек – не невидимка. И в холле отеля «Альфа» в Люксембурге он наткнулся на человека, который знал его.

Нат стоял у конторки портье, оформляя счет. Просмотрев его, протянул кредитную карточку на имя Эда Роджерса и ждал, чтобы подписать счет. И в это время голос у него за спиной произнес по-английски:

– Боже мой! Никак, это Нат Дикштейн?

Его охватил ужас. Как и любой агент, выступающий в другом обличье, он жил в постоянном страхе перед случайной встречей с кем-то из далекого прошлого, кто может разоблачить его. Но, как и любой другой агент, он готовился к таким ситуациям. Правило было простое: «Кто бы там ни был, ты его не знаешь». К этому их готовили в школе.

Дикштейну пришлось сразу же вспомнить все, чему его учили. Первым делом, он бросил взгляд на клерка, который в данный момент записывал его, как Эда Роджерса. Клерк никак не отреагировал на обращенные к Дикштейну слова: то ли не понял или не слышал их, то ли не обратил внимания.

Чья-то рука хлопнула Дикштейна по плечу. Он соорудил на лице смущенную улыбку и повернулся, со словами на французском: «Боюсь, что вы спутали меня с...»

«Юбка ее была задрана до пояса, лицо пылало от наслаждения, и она страстно целовала Ясифа Хассана».

– Это в самом деле вы! – воскликнул Ясиф Хассан. И тут, возможно, из-за того, что перед ним предстало то ужасное мгновение в Оксфорде двадцать лет назад, Дикштейн на долю секунды потерял контроль над собой, выучка изменила ему, и он сделал самую крупную ошибку за свою деятельность. Потрясенный, он произнес:

– Господи, никак Хассан.

Тот улыбнулся, стиснул его руку и сказал:

– Сколько лет... должно быть... прошло больше двадцати лет!

Дикштейн механически пожал протянутую руку, понимая, что оказался в отчаянном положении, и постарался взять себя в руки.

– Вроде так, – пробормотал он. – А что вы тут делаете?

– Я живу тут. А вы?

– Вот-вот уезжаю. – Дикштейн решил, что ему надо как можно скорее уносить ноги, пока не случилась какая-нибудь беда. Клерк протянул ему счет, и он нацарапал «Эд Роджерс». Нат глянул на часы: – Черт, мне нужно на самолет.

– У отеля стоит моя машина. Я подброшу вас до аэропорта. Мы должны поговорить.

– Я заказал такси...

Хассан обратился к портье.

– Отмените вызов... и заплатите водителю за беспокойство. – Он протянул несколько банкнот.

– Я в самом деле спешу, – пробормотал Дикштейн.

– Так двинулись! – С этими словами Хассан подхватил чемоданчик Дикштейна и вышел.

Чувствуя себя совершенно беспомощным, в глупом и непонятном положении, Дикштейн последовал за ним.

Они уселись в его потрепанную двухместную английскую спортивную машину. Когда Хассан выводил ее в поток уличного движения с места, где стоянка была запрещена, Нат украдкой изучал его. Араб изменился, и сказались на нем не только годы. Седина в усах, раздавленная талия, хрипотца в голосе – всего этого можно было ждать. Но появилось и нечто другое. Хассан всегда казался Дикштейну архитипичным аристократом. Двигался он неторопливо, демонстрируя подчеркнутую бесстрастность, и легко давал понять, что собеседник его утомляет, если тот был молод и восторжен. Теперь, похоже, бывшее высокомерие покинуло его. Он был похож на свою машину: в свое время она представляла крик моды, но годы сказались на ней.

Ругая себя за последствия, которые может принести ошибка, Дикштейн попытался выяснить размер возможного ущерба. Он спросил Хассана:

– Вы в данное время живете здесь?

– Здесь европейская штаб-квартира моего банка.

– Что это за банк?

– «Седар-банк» из Ливана. Но чем вы занимаетесь?

– Я живу в Израиле. Мой кибуц производит вино – и я выясняю возможности его поставок на европейский рынок.

– Со своим углем в Ньюкастл.

– Я и сам начинаю так думать.

– Может быть, я смогу помочь вам, если вы вернетесь. У меня тут немало деловых связей. Я мог бы что-то организовать для вас.

– Спасибо. Может быть, я и воспользуюсь вашим предложением. – Если его задание окончится полным крахом, подумал Дикштейн, он всегда может заключать договоры и торговать вином.

– Итак, – улыбнулся Хассан, – ваш дом в Палестине, а мой – в Европе.

Улыбка у него получилась натянутой, заметил Дикштейн.

– Как дела в банке? – спросил Дикштейн, прикидывая, что могли бы означать слова «мой банк» – то ли «банк, который принадлежит мне», то ли «банк, которым я управляю», то ли «банк, в котором работаю».

– О, достаточно хорошо.

Видно было, что говорить им почти не о чем. Дикштейну хотелось спросить, какая судьба постигла семью Хассана в Палестине, как его роман с Эйлой Эшфорд и почему он ездит в спортивной машине, но боялся, что ответы окажутся болезненными как для Хассана, так и для него.

– Вы женаты? – спросил Хассан.

– Нет. А вы?

– Нет.

– Как странно, – удивился Дикштейн.

Хассан улыбнулся.

– Мы из тех людей, которые не рискуют брать на себя такую ответственность, и вы, и я.

– Ну, кое за кого я отвечаю. – Дикштейн подумал о сироте Мотти, с которым он пока так и не кончил «Остров сокровищ».

– Но вы что-то отводите глаза, – подмигнув, бросил Хассан.

– Насколько припоминаю, именно вы были дамским угодником, – смущаясь, напомнил Дикштейн.

– Да, были денечки.

Дикштейн попытался не думать об Эйле. Они доехали до аэропорта, и Хассан остановил машину.

– Спасибо, что подбросили меня.

Хассан повернулся и внимательно взгляделся в него.

– Никак не могу понять, – сказал он. – Вы выглядите моложе, чем в 1947 году.

Дикштейн подал ему руку.

– Простите, что вынужден так спешить. – Он вылез из машины.

– Не забывайте... и звоните, как только будете здесь, – бросил Хассан.

– Всего хорошего. – Дикштейн закрыл дверцу машины и направился в здание аэропорта.

И только тут он позволил себе предаться воспоминаниям.

Через мгновение, достаточное лишь для удара сердца, для четверых в прохладном осеннем саду, все изменилось. Руки Хассана скользнули по телу Эйлы. Дикштейн и Кортоне отпрянули от проема в изгороди и двинулись в другую сторону. Любовники так и не увидели их.

Друзья направились к дому. Их никто не мог услышать, когда Кортоне сказал:

– Господи, ну и горячая штучка.

– Давай не будем говорить на эту тему, – предложил Дикштейн. Он чувствовал себя подобно человеку, который на ходу, глянув через плечо, налетел на фонарный столб: и боль, и ярость, – но ругать некого, кроме самого себя.

К счастью, вечеринка уже заканчивалась. Они ушли, так и не поговорив с обманутым мужем, профессором Эшфордом, который был увлечен беседой со студентом-выпускником. На ленч они пошли к «Джорджу». Дикштейн ел очень мало, но пил пиво.

– Слушай, Нат, – начал Кортоне, – я не понимаю, почему ты воспринимаешь все это так близко к сердцу. Я хочу сказать: ты только что убедился, что она собой представляет, так?

– Да, – ответил Дикштейн, хотя не был согласен с его словами.

Им подали счет больше чем на десять шиллингов, и Кортоне оплатил. Дикштейн проводил его на станцию. Они торжественно пожали руки друг другу, и Кортоне уехал.

Дикштейн несколько часов бродил в парке, почти не замечая холода и пытаясь разобраться в своих чувствах. Он проиграл. Он не испытывал ни зависти к Хассану, ни разочарования в Эйле, ни печали по рухнувшим надеждам, потому что никогда ни на что не надеялся. Но он был потрясен, и сам не мог понять, почему. Он хотел встретить кого-нибудь, с кем мог бы поговорить.

Вскоре после этих событий он направился в Палестину, хотя отнюдь не только из-за Эйлы.

За последующие двадцать один год рядом с ним так и не появилась ни одна женщина, что опять-таки объясняется далеко не только Эйлой.

По дороге из Люксембургского аэропорта Ясиф Хассан испытывал черную ярость. Так ясно, словно это было вчера, он видел перед собой юного Дикштейна: бледный еврейчик в дешевом пиджачке, худенький, как девочка, всегда слегка сутулящийся, словно ждет, что сзади ему вот-вот врежут, с нескрываемым вожделением глядевший на пышное тело Эйлы Эшфорд и к тому же упрямо доказывавший, что его народ должен обладать Палестиной – хотя этого арабы или нет. И вот теперь Дикштейн живет в Израиле, выращивает виноград, из которого гонит вино: он обрел дом, а Хассан потерял свой.

У Хассана больше не было богатства. Да по арабским стандартам он вообще никогда не был сказочно богат, но всегда имел возможность есть изысканную пищу, шить себе дорогие костюмы, получать лучшее образование, и он невольно усвоил манеры, присущие арабской аристократии. Его дедушка – известный врач – своему старшему сыну дал медицинское образование, а младшего направил в бизнес. Младший, отец Хассана, продавал и покупал ткани в Палестине, Ливане и Трансиордании. Под британским управлением бизнес процветал, а иммиграция сионистов расширила рынок сбыта. К 1947 году семья обладала магазинами по всему Леванту и владела родной деревушкой около Назарета.

Война 1948 года положила всему конец.

Когда государство Израиль объявило о своем существовании и в его пределы вторглись армии арабских стран, семья Хассана сделала фатальную ошибку, собрав вещи и поспешив в Сирию. Они так никогда и не вернулись. Склады в Иерусалиме сгорели, магазины разрушены или перешли в руки евреев; семейные земли оказались под «управлением» израильского правительства. Хассан слышал, что теперь в его деревне кибуц.

С тех пор отец Хассана так и жил в лагерях беженцев под эгидой ООН. Последняя толковая вещь, что он сделал, было рекомендательное письмо для Ясифа, адресованное его ливанскому банкиру. У Ясифа был университетский диплом и он бегло говорил на безукоризненном английском; банк предоставил ему работу.

Он обратился к израильскому правительству за компенсацией в соответствии с Актом о возвращении земель, но ему отказали.

Посетил семью в лагере он только один раз, но представшее его глазам зрелище осталось на всю жизнь. Его родные жили в сколоченной из обломков хижине и ходили в общественный туалет. Они ничем не отличались от всех прочих и были точно такими же, как тысячи других семей без дома, без цели или надежд на будущее. Увидев своего отца, в свое время умного, решительного человека, твердой рукой управлявшего своим огромным делом, а сейчас мечтавшего только о еде и проводившего время за игрой в трик-трак, Ясиф пришел в такое состояние, что был готов бросать бомбы в школьные автобусы.

Женщины таскали воду и, как всегда, убирали жилище, а мужчины слонялись по окрестностям лагеря в обносках, ничего не хотя и не желая, мозги их тупели, а тела дряхлели. Подростки или подпирали стены, или ссорились и дрались, пуская в ход ножи, потому что впереди их ничего не ждало, кроме жалкого бесцельного существования под палящим солнцем.

Лагерь беженцев пропах отбросами и отчаянием. Хассан никогда больше не посещал его, хотя продолжал писать матери. Он избежал его ловушки. И если даже то была заслуга его отца, ну что ж, отец помог ему, поскольку он должен был это сделать.

В роли банковского клерка успехи его оказались достаточно скромны. Он был интеллигентен и честен, но его высокомерие не позволило ему предаваться тщательной скрупулезной работе, в ходе которой надо было держать в голове массу указаний и готовить документы в трех экземплярах. Кроме того, сердце его было в другом месте.

Он никогда не позволял себе сетовать на свою судьбу, горевать о потерях. Он нес сквозь жизнь свою ненависть, как тайный груз. Что бы логика ни подсказывала ему, душа говорила: он бросил отца в нужде, когда больше всего был нужен ему, и это чувство вины подпитывало его ненависть к Израилю. Каждый год он надеялся, что арабские армии уничтожат сионистских захватчиков, и каждый раз, когда они терпели поражение, в нем росло и крепло чувство гнева.

В 1957 году он стал работать на египетскую разведку.

Он не считался значительным агентом, но по мере того, как банк расширял свою деятельность в Европе, до него стали доходить обрывки слухов, курсировавших и в его офисе, и вообще в банке. Порой Каир запрашивал его об информации по специфическим темам. Например, о финансах производителей оружия, о еврейских филантропах или арабских миллиардерах; и, если Хассан не мог заглянуть непосредственно в их банковские досье, он получал сведения от своих друзей и деловых контактов. Кроме того, у него было задание присматривать за израильскими бизнесменами в Европе на тот случай, если они окажутся шпионами; именно поэтому он и подошел к Нату Дикштейну и сделал вид, что рад их встрече.

Хассан решил, что история Дикштейна достаточно правдоподобна. Поношенный пиджачок, те самые круглые очки – нет, вид его не вызывал подозрений, и, скорее всего, он в самом деле неудачливый коммивояжер, рекламирующий товар, который никак не мог продать. Тем не менее, предыдущей ночью тут на Рю Дик случилось странное происшествие: двое юношей, известные полиции как мелкие воришки, были найдены в грязи в совершенно беспомощном состоянии. Хассан узнал все подробности от своего приятеля в городском управлении полиции. Ясно было, что они налетели явно не на ту жертву. Травмы их носили профессиональный характер: человек, который изуродовал их, был, скорее всего, солдатом, полицейским, телохранителем... или агентом. После подобного инцидента имело смысл присмотреться к любому израильтянину, покидающему город.

Доехав до гостиницы «Альфа», Хассан переговорил с портье.

– Я был у вас тут час назад, когда рассчитывался один из гостей, – напомнил он. – Помните?

– Думаю, что да, сэр.

Хассан вручил ему двести люксембургских франков.

– Можете ли вы сказать мне, под каким именем он зарегистрировался?

– Конечно, сэр. – Клерк заглянул в записи. – Эдвард Роджерс, из журнала «Международная наука».

– Не Натаниел Дикштейн?

Клерк терпеливо покачал головой.

– Не могли бы взглянуть, не останавливался ли у вас и Натаниел Дикштейн из Израиля?

– Естественно. – Ему потребовалось несколько минут, чтобы просмотреть стопу бумаг.

Возбуждение Хассана росло. Если Дикштейн зарегистрировался под фальшивым именем, значит, он не торговец вином, значит, кем он может быть иным, как не израильским агентом? Наконец, портье закрыл досье. – Вне всякого сомнения, такого тут не было, сэр.

– Благодарю вас. – Хассан вышел. По пути домой он торжествовал: пустив в ход свою сметку, он выявил нечто действительно важное. Очутившись за столом, он сразу же составил послание:

«Здесь был предполагаемый израильский агент Нат Дикштейн, он же Эд Роджерс. Пять футов шесть дюймов, хрупкого телосложения, темные волосы, карие глаза, возраст около сорока лет».

Закодировав послание, он поставил в начале кодовое слово, означавшее спешность, и послал его по телексу в египетскую штаб-квартиру банка. До адресата оно так и не дошло: увидев дополнительное кодовое слово, почтамп в Каире тут же переадресовал телекс в Управление общих расследований.

Послав телеграмму, он испытал естественный упадок сил. С другого конца не последует никакой реакции, никакой благодарности. Хассану не оставалось ничего другого, как погрузиться в банковскую рутину, стараясь не впасть в сонливость.

И тут Каир вызвал его по телефону. Ничего подобного ранее не случалось. Они ему никогда не звонили. Его сообщение, очевидно, играло более важное значение, чем он мог предполагать. Звонивший желал узнать все подробности о Дикштейне.

– Я хотел бы убедиться, что это тот самый человек, о котором вы говорите в своем послании. Он носит круглые очки?

– Да.

– И говорит по-английски с акцентом кокни? Можете ли вы определить такой акцент?

– Да, и еще раз да.

– Есть ли у него вытатуированный на предплечье номер?

– Сегодня я его не видел, но знаю, что таковой есть... Много лет назад я учился с ним в Оксфорде. И я совершенно уверен, что это он.

– Вы знали его? – В голосе из Каира звучало явное удивление. – И эта информация есть в вашем досье?

– Нет, я никогда...

– В таком случае она должна там быть, – гневно прервал его человек. – Как давно вы у нас?

– С 1957 года.

– Тогда понятно... то было в старые времена. О'кей, слушайте. Этот человек очень важный... клиент. Мы хотим, чтобы вы были рядом с ним двадцать четыре часа в сутки, понимаете?

– Не могу, – с отчаянием сказал Хассан. – Он покинул город.

– Куда он направился?

– Я подвез его в аэропорт. И не знаю, куда он улетел.

– Так выясните. Позвоните в аэропорт, спросите на какой рейс у него был билет и перезвоните мне через пятнадцать минут.

– Я сделаю все, что в моих силах...

– Меня не интересуют ваши силы, – отрезал голос, из Каира. – Мне нужно выяснить, куда он направился, и выяснить до того, как он окажется на месте. Так что не забывайте – вы звоните мне через пятнадцать минут. И чтобы мы вышли на него, мы не должны снова потерять его.

– Я сразу же принимаюсь за дело, – послушно ответил Хассан, но на линии наступило молчание до того, как он закончил предложение.

Он осторожно положил трубку. Как и предполагал, благодарности из Каира он не дождался, но этому можно только радоваться. Внезапно он стал значительным лицом, его труд обратил на себя внимание и теперь они там зависят от него. Ему представилась возможность внести свой вклад в арабское дело, шанс нанести, наконец, ответный удар.

Он снова снял трубку и стал набирать номер телефона аэропорта.

Глава четвертая

Нат Дикштейн решил посетить французскую ядерную станцию по причине своего французского, которым он владел достаточно хорошо, не считая английского, но Англия не входила в Евроатом. До станции он добирался в автобусе в разношерстной компании студентов и туристов. За окном летела запыленная зелень пригородных пейзажей, напоминавших ему больше Галилею, чем Эссекс, на природе которого Дикштейн рос мальчишкой. С тех пор ему довелось много попутешествовать по миру, летая на самых разных самолетах, включая реактивные истребители, но отчетливо помнил то время, когда его горизонты замыкались Парк-Лейн на западе и Саутхендом на востоке. Он также помнил, как внезапно стали раздвигаться эти пределы, когда он стал воспринимать себя мужчиной после дня бар-мицвы и смерти отца. Остальные ребята его лет уже подыскивали себе работу в доках или в типографиях, женились на местных девушках, приобретали дома в четверти мили от обиталищ их родителей и основательно обосновывались там: их желания не простирались дальше того, чтобы вырастить призовую гончую собаку, увидеть, как «Вест-Хэм» победит в финале Кубка, или купить мотоцикл. Молодой Нат мечтал, как он отправится в Калифорнию, Родезию или в Гонконг, станет нейрохирургом, археологом или миллионером. Частично это объяснялось тем, что он был значительно умнее большинства своих сверстников, а частью тем, что для них чужие языки представлялись странными и загадочными, а школьные предметы типа алгебры – пустой тратой времени; но главное различие заключалось в том, что он был евреем. Дикштейн знал – хотя и не мог припомнить, чтобы ему кто-то об этом говорил – что в любом месте рождения евреи старались проложить себе путь для учебы в лучших университетах, что они основывали новые отрасли, например киноиндустрию, становились удачливыми банкирами, юристами и промышленниками; и если они не могли воплотить свои замыслы в стране рождения, то переселялись в другое место и снова пытались. Просто удивительно, думал Дикштейн, вспоминая детство, что народ, которого преследовали из столетия в столетие, был так уверен в своих способностях добиться того, что замыслил. Так что, когда им понадобилась атомная бомба, они создадут ее.

Уверенность в силе этих традиций несколько успокаивала его, но не помогала, когда он размышлял, каким образом ему действовать.

Вдали показались очертания атомной электростанции. Внешняя охрана носила характер, присущий не столько военным, сколько промышленным учреждениям. Строение окружала высокая однорядная изгородь, провода которой не были подключены к высокому напряжению. Пока гид занимался формальностями, Дикштейн заглянул сквозь высокие ворота: у стражников стояли всего лишь два телеэкрана кругового обзора. Дикштейн подумал: можно при свете дня ввести в ограду человек пятьдесят, прежде, чем охрана что-то заподозрит. Это плохая примета, мрачно подумал он: значит, у них есть основания и другого порядка чувствовать себя столь уверенно.

Он покинул автобус вместе с остальной группой и прошел через расчерченную полосами стоянку к приемному помещению. Тут гости могли познакомиться с привычным образом ядерной энергетики – вокруг простирались ухоженные газоны и пышные цветочные клумбы, стояли ряды аккуратно подстриженных деревьев; все блистало чистотой и ухоженностью. Обернувшись к воротам, Дикштейн увидел, как на дорогу вырулил серый «Опель». Один из сидящих в нем заговорил с охранником, который подошел к машине, чтобы показать им направление. Внутри машины что-то блеснуло на солнце.

Вместе с группой Дикштейн проследовал в холл. В стеклянной витрине хранился внушительный трофей за победу футбольной команды станции. На стенах висели аэроснимки пред-

приятия. Дикштейн остановился перед ними, запоминая детали, смутно представляя, как он может попасть сюда, тем более, что из головы у него почему-то не выходил серый «Опель».

Затем в сопровождении четырех симпатичных девушек в аккуратных мундирчиках группа направилась непосредственно на энергостанцию.

Дикштейна не интересовали ни могучие турбины, ни контрольная система космического века с бесконечными рядами шкал и выключателей, ни система очистки воды, которая, давая приют рыбам, потом опять возвращалась в реку. Он прикидывал, не из-за него ли появился тут серый «Опель» и если да, что было тому причиной.

Особенно его заинтересовала система доставки. Он спросил у сопровождающей девушки:

– Как поступает сюда ядерное топливо?

– На машинах, – лукаво ответила она. Кое-кто из группы нервно засмеялся, представляя, как через эти мирные пейзажи на машинах везут уран. – Это не опасно, – продолжила гид, переждав ожидаемый смех. – Пока уран не загружен в атомный котел, он не радиоактивен. Из кузовов машин он сразу же поступает в хранилище-элеватор и поднимается на склад на седьмом этаже. И там уже царствует сплошная автоматика.

– А как вы проверяете количество и качество поступлений? – допытывался Дикштейн.

– Проверка проводится на фабрике ядерного топлива. Груз поступает сюда под печатями и проверяется только их сохранность.

– Благодарю вас, – с удовлетворением кивнул Дикштейн. Система далеко не столь жесткая, как убеждал его мистер Пфаффер из Евротома. У него в голове смутно стали вырисовываться наметки одного из планов.

Они посмотрели в действии загрузочный агрегат, который снабжал реактор, действуя исключительно на дистанционном контроле.

Девушка-гид, изъяснявшаяся на изысканном парижском диалекте, воркующим голосом объяснила им:

– Реактор включает в себя три тысячи каналов, в каждом из которых находятся до восьми ядерных стержней. Каждый из них служит от четырех до восьми лет. Загрузочная машина в ходе каждой операции обновляет содержимое пяти каналов.

Они отправились полюбоваться прудами системы охлаждения. Под двадцатифутовым слоем воды размещались отработанные стержни, после пребывания в которой, они, остывшие, но все еще высокорadioактивные, укладывались в пятидесятитонные свинцовые контейнеры, по двести элементов в каждом, для транспортировки до восстановительного предприятия.

Когда гид подала им в холле кофе и закуску, Дикштейн прикинул, что ему удалось узнать. Есть возможность раздобыть отработанное топливо, хотя ему был нужен плутоний. И ясно, почему никто не предполагал такого варианта событий. Достаточно легко угнать машину – он бы и сам в одиночку мог это сделать, но как вытащить из страны пятидесятитонный контейнер и переправить его в Израиль, да еще так, чтобы никто этого не заметил?

Украсть уран с энергостанции не представлялось ему многообещающей идеей. Конечно, охрана никуда не годилась, о чем говорил тот факт, что ему удалось спокойно попасть сюда, подключиться к группе и увидеть достаточно много. Но ядерные стержни внутри станции находились под неусыпным контролем автоматики, за которой следил дистанционный контроль. Единственное место, откуда их еще можно было извлечь, – система охлаждения: затем он снова стал размышлять над проблемой, как переправить огромный контейнер с радиоактивными материалами через один из европейских портов.

Должен быть и способ, с помощью которого можно проникнуть в хранилище радиоактивных материалов, прикинул Дикштейн: значит, предстоит вручную погрузить топливо на транспортер, спустить его вниз, перегрузить в кузов машины и уехать: но такая схема пред-

полагала, что придется обезоружить и какое-то время держать под прицелом часть или весь персонал станции, а к этому он относился с предубеждением.

Молодой инженер начал рассказывать о системе ядерной безопасности. На нем были мятые брюки и грубошерстный свитер. Ученые и инженеры предпочитают именно такой внешний облик, заметил Дикштейн, подбирая себе одежду старую, но обмятую по фигуре, и удобную, а если многие из них носят бороды, то это, скорее, признак равнодушия к своему внешнему виду, чем тщеславия. Он предположил, что в сфере их деятельности значение придается не столько внешнему виду личности, сколько ее мозгам, так что тут нет смысла стараться произвести хорошее внешнее впечатление. Но, может быть, у него несколько романтический взгляд на науку.

Дикштейн снова вернулся к проблеме похищения урана. Необходимость обеспечения полной секретности сводила на нет все планы, которые приходили ему в голову. Может быть, весь этот замысел обречен на неудачу. Как бы там ни было, то, что невозможно – невозможно. Нет, он слишком быстро пришел к этому выводу. Он снова стал размышлять об основных принципах.

Он может перехватить груз в пути, что стало ему сегодня ясно во время осмотра предприятия. Ядерные элементы тут не пересчитываются и не контролируются: они сразу же вводятся в систему. Он может перехватить грузовой фургон, изъять уран, снова запечатать упаковку и подкупить или запугать водителя грузовика, который доставит контейнеры. Поддельные элементы, которыми он заменит настоящие, постепенно будут загружаться в реактор, примерно в течение месяца, по пять за раз. Наконец, выход энергии из реактора заметно упадет. Начнется выяснение. Проведут анализ топливных элементов. Может быть, ничего не удастся выяснить, пока поддельные элементы не будут извлечены из реактора и их место не займут подлинные, что сразу же даст скачок выхода энергии. Может быть, никто ничего так и не поймет, пока поддельные элементы не попадут на предприятие и не выяснится, что в них практически нет плутония, а к тому времени пройдет от четырех до семи лет, и след, ведущий в Тель-Авив, будет невозможно проследить.

Но вероятнее всего, все выяснят гораздо быстрее. И по-прежнему существует проблема, как вывезти груз из страны.

Тем не менее, у него появился хоть какой-то замысел, и он почувствовал себя несколько веселее.

Лекция кончилась. Последовало несколько незначительных вопросов, и группа потянулась обратно к автобусу. Дикштейн сел на заднее сидение. Женщина средних лет заметила ему: «Это мое место», но он уставился на нее таким невозмутимым взглядом, что она предпочла исчезнуть.

По пути от ядерной станции Дикштейн то и дело поглядывал в заднее стекло. Примерно через милю пути из-за поворота вынырнул серый «Опель» и пристроился за автобусом. Хорошее настроение Дикштейна сошло на нет.

Итак, его засекли. Это произошло то ли здесь, то ли в Люксембурге, скорее всего там. Это мог быть Ясиф Хассан – нет никаких причин, по которым он не мог быть агентом – или кто-то еще. Они могли следить за ним и из чистого любопытства, потому что не было – не было ли? – никаких оснований предполагать, что им известно, с какой целью он тут очутился. Теперь ему предстояло оторваться от преследователей.

Он провел весь день, исколесив городок рядом с атомной станцией вдоль и поперек, для чего пользовался автобусом и такси, взятой напрокат машиной, без усталости ходил пешком. К концу дня он определил, что за ним следят пять человек и три машины – серый «Опель», маленький, покрытый грязью пикап и «Форд» немецкого производства. Люди несколько смахивали на арабов, но в этой части Франции многие преступники были выходцами из северной Африки и кто-то мог нанять их себе в помощь.

На следующий день он покинул город и вырулил на автотрассу. Несколько миль за ним следовал «Форд», который потом уступил место серому «Опелю». В каждой машине сидело по два человека. Еще двое были в пикапчике, плюс один в гостинице.

«Опель» по-прежнему держался за ним, когда он, наконец, нашел пешеходный мостик через дорогу в таком месте, где не было перекрестков с автотрассой в том и другом направлении. Глянув из-за плеча, Дикштейн остановил машину, вылез и поднял капот. Несколько минут он стоял, склонившись над двигателем. Серый «Опель» исчез впереди, а через минуту показался «Форд», который, проследовал вперед и стал ожидать у разворота, а по другой стороне дороги проследовал «Опель», дабы убедиться, чем он занимается. Именно так учебники писали, как будет развиваться ситуация.

Дикштейну оставалось лишь надеяться, что слежка будет выполняться строго по учебнику, в противном случае его схема могла не сработать.

Он вынул из багажника складной треугольный знак предупреждения и поставил на отдалении от заднего бампера.

По другой стороне трассы проследовал серый «Опель».

Они действовали точно по учебнику.

Дикштейн прошелся по обочине.

Уйдя от трассы, он поймал первый автобус и добрался до города. По пути ему попались на глаза все три машины, следившие за ним. Он позволил себе несколько преждевременно насладиться ощущением триумфа: они попались.

Взяв в городе такси, он вернулся к своей машине, но по другой стороне трассы. «Опель» не было видно, но «Форд» стоял на обочине в паре сотен ярдов сзади.

Дикштейн кинулся бежать.

После нескольких месяцев работы на свежем воздухе в кибуце он был в хорошей форме. Он промчался до пешеходного мостика, пересек его и стал взбираться по откосу на другой стороне дороги. Тяжело дыша и обливаясь потом, через три минуты он оказался рядом со своей машиной. Один из пассажиров «Форда» выскочил из машины и побежал за ним. «Форд» снялся с места. Преследователь повернулся, на ходу впрыгнул в машину.

Дикштейн уже сидел в салоне. Машина, следившая за ним, теперь оказалась на другой стороне трассы, и им придется отмахать порядочный кусок до следующего разворота, где смогут вырулить на другую половину дороги и последовать за ним. При скорости шестьдесят миль в час этот путь займет у них минут десять: что означает, у него есть, как минимум, пять минут гандикапа. Засечь его им не удастся.

Вырулив на трассу, он направился в сторону Парижа, напевая мелодию, которая всплыла вместе с воспоминаниями о футбольном стадионе в Вест-Хэме: «Спокойнее, спокойнее, спо-о-койнее».

В Москве возникла жуткая паника, когда там услышали об арабской атомной бомбе.

Министерство иностранных дел паниковало потому, что не слышало о ней раньше, КГБ сходил с ума из-за того, что они узнали о ней не первыми, а в кабинетах руководства партии стоял переполох в силу того, что им меньше всего хотелось присутствовать при еще одной ссоре между Министерством иностранных дел и КГБ, предыдущая из которых превратила жизнь в Кремле на одиннадцать месяцев в сущий ад.

К счастью, путь, которым пошли египтяне, позволял в какой-то мере прикрыть тылы. Египтяне подчеркнули, что с дипломатической точки зрения они не обязаны сообщать союзникам о своих тайных проектах и что техническая помощь, о которой они просят, отнюдь не играет для них решающего значения. То есть, отношение их было примерно таким: «Да, кстати, мы строим ядерный реактор, чтобы раздобыть немножко плутония, сделать атомную бомбу и стереть Израиль с лица земли, так что не можете ли нам посодействовать?» С соблюдением всех

дипломатических тонкостей и любезностей, это сообщение было невзначай, словно упущенная и вновь пришедшая в голову мысль, подано в завершение обычной встречи между египетским послом и заместителем начальника ближневосточного отдела Министерства иностранных дел.

Заместитель начальника отдела, услышавший эту просьбу, тщательно обдумал, как ему поступить с информацией. Первой его обязанностью, естественно, было тут же сообщить ее своему шефу, который, в свою очередь, передаст ее руководству. Так что вся «прибыль» от этой новости пойдет его шефу, который также не упустит вставить палки в колеса КГБ. Нет ли у него самого возможности как-то использовать преимущества, которые предоставляет ему эта ситуация?

Он знал, что самый лучший способ проложить себе путь в Кремль – это поставить КГБ в такое положение, что он будет ему чем-то обязан. Теперь у него была возможность оказать ребятам оттуда большую услугу. Если он предупредит о словах египетского посла, у них будет время сделать вид, что, мол, они все знали об арабской бомбе и вот-вот были готовы сами выложить эту новость.

Накинув плащ, он вышел позвонить своему приятелю в КГБ из телефона-автомата на тот случай, если его телефон прослушивается – и только тут понял, как глупо себя ведет, потому что хочет звонить в КГБ – именно тем, кто повсеместно прослушивает все телефоны; так что снял плащ и позвонил со своего служебного телефона.

Работник КГБ, с которым он переговорил, так же отлично знал, как работает эта система. В новом здании КГБ на Московской кольцевой дороге его сообщение вызвало огромный переполох. Первым делом он позвонил секретарше своего босса и попросил ее организовать с ним срочную встречу минут на пятнадцать. Пока ему удалось избежать необходимости говорить с самим шефом. Он спешно сделал еще с полдюжины телефонных звонков и погнал секретарш и курьеров по всему зданию в поисках досье и памятных записок. Сильной чертой его шефа было то, что он действовал строго по предписанному расписанию. И так получилось, что повестка дня очередной встречи политического комитета по Ближнему Востоку была составлена в предыдущий день и сейчас размножалась. Он затребовал ее себе и в верхнюю часть листа вставил новый пункт: «Последние события в египетских вооруженных силах – специальное сообщение», за которым в скобках следовала его фамилия. Оставалось отдать размножить новую повестку дня, сохранив предыдущую дату, и к полудню она уже пошла из рук в руки по всем заинтересованным отделам и управлениям.

Теперь, убедившись, что для половины коллег в Москве его имя накрепко будет связано с новостью, он отправился к своему шефу.

В тот же самый день пришли не такие ошеломительные известия. Как часть привычного обмена информацией между египетской разведкой и КГБ, Каир прислал сообщение, что в Люксембурге был замечен израильский агент Нат Дикштейн, который ныне находится под наблюдением. В силу сложившихся обстоятельств, этому сообщению не было уделено то внимание, которого оно заслуживало. Только у одного человека в КГБ зародилось смутное подозрение, что эти две информации могут быть как-то связаны.

Его имя – Давид Ростов.

Отец Давида Ростова был дипломатом незначительного ранга, чья карьера затормозилась из-за отсутствия связей, особенно в секретных службах. Учитывая это обстоятельство, его сын с безукоризненной логикой, которая вообще отличала весь его жизненный путь, вступил в организацию, которая тогда называлась НКВД, а потом стала известна под именем КГБ.

Он уже являлся тайным агентом, когда очутился в Оксфорде. В те идеалистические времена, когда Россия победила в великой войне, а размах сталинских чисток еще не был осознан, крупнейший английский университет представлял собой плодородное поле, на котором собирала урожай советская разведка. На долю Ростова выпала пара удач, и один из завербованных

им тогда агентов, слал секреты из Лондона еще в 1968 году. Нат Дикштейн был одной из его неудач.

Молодой Дикштейн, как припоминал Ростов, придерживался своеобразных социалистических взглядов, и его личные качества как нельзя лучше подходили для шпионской работы: сдержан, умен, проницателен и недоверчив. Ростов припомнил споры о судьбах Ближнего Востока с ним, профессором Эшфордом и Ясифом Хассаном в бело-зеленом домике над рекой. А долгий шахматный матч Ростов – Дикштейн велся не на шутку.

Но в глазах Дикштейна отнюдь не пылал огонь идеализма. И дух его был чужд евангелической чистоты. Он держал при себе свои убеждения, был тверд в них, но отнюдь не горел желанием переустроить весь мир. Таковы же были и большинство ветеранов, прошедших войну. Ростов мог сколько угодно закидывать наживки – «Но, конечно же, если ты в самом деле хочешь бороться за социализм во всем мире, ты должен работать на Советский Союз», – на что ветеран ответил бы одним словом: «Дерьмо!»

После Оксфорда Ростов работал в советских посольствах в Риме, Амстердаме, Париже. Он не расстался с КГБ и перейдя на дипломатическую службу. Со временем он понял, что не обладает той широтой политического кругозора, который мог бы сделать из него государственного мужа, какого и хотел видеть в нем отец. Фанатичность, свойственная ему в юности, испарилась. Он по-прежнему предпочитал думать, что социализм, скорее всего, станет политической системой будущего, но символ веры больше не сжигал его пламенем страсти. Он верил в коммунизм, как большинство верит в Бога, но не был бы очень изумлен или разочарован, если бы выяснилось, что он ошибся, тем более, что это не имело никакого значения для его образа жизни.

Возмужав, он сузил пределы своих амбиций, но воплощал их с большей энергией. Он стал специалистом высшего класса, мастером обманных жестоких игр в столкновении разведок разных стран, к тому же – что в СССР было столь же важно, как и на Западе – он понял, как надо манипулировать бюрократией, чтобы извлекать максимум пользы из своих успехов.

Первое Главное Управление КГБ являлось чем-то вроде головного учреждения, ответственного за сбор и анализ информации. Большинство полевых агентов числились за Вторым Главным Управлением, самым большим отделом в КГБ, который занимался подрывной работой, саботажем, диверсиями, экономическим шпионажем и так далее. Третье Управление, известное под именем СМЕРШ, которое и обеспечило ей мрачную репутацию на Западе, занималось контрразведкой и специальными операциями, и на него работали самые отважные, умные и безжалостные агенты в мире.

Ростов числился среди звезд Третьего.

Он получил звание полковника. Награду ему вручили за освобождение осужденного агента из британской тюрьмы Уормвуд Скрап. С течением времени он обзавелся женой, двумя детьми и любовницей на двадцать лет младше его – белокурая скандинавская богиня из Мурманска и самая восхитительная женщина из всех, кого он когда-либо встречал. В браке его темперамент давно уже стих, но существовало нечто другое: привязанность, партнерство и дружба, надежность и тот факт, что Мария по-прежнему оставалась единственным человеком в мире, которая могла заставить его безудержно, до конвульсий, хохотать. И были еще дети: Юрий Давидович, студент Московского государственного университета, страстный поклонник битлов и собиратель их пластинок; и Владимир Давидович, молодой гений, которого уже считали потенциальным чемпионом мира по шахматам. Владимир сдавал конкурсные экзамены в престижную физико-математическую школу номер 2, и Ростов не сомневался, что он попадет туда и успешно кончит ее, чему порукой были его способности, да и то небольшое влияние, которым он пользовался, как полковник КГБ.

Ростов занимал довольно высокое положение в среднем слое советской аристократии, но предполагал, что может подняться еще выше. Во всяком случае, его жене не приходилось

стоять в очередях с сумкой – она покупала в магазинах «Березка» вместе с элитой; у них была большая квартира в Москве и дачка в Прибалтике; но Ростов хотел «Волгу» с водителем и вторую дачу на Черном море, куда он мог бы привозить Ольгу; приглашения на закрытые просмотры упаднических западных фильмов; чтобы у него было право лечиться в Кремлевке, когда начнет сказываться возраст.

Ныне карьера его стояла на перепутье. В том году ему исполнилось пятьдесят лет. Почти половину жизни он провел за письменным столом в Москве, а другую половину – на зарубежной работе с небольшим отрядом своих оперативников. Он был уже старше большинства агентов, работающих за границей. И ему предстояло выбрать одно из двух направлений. Если он замедлит свое продвижение вверх и позволит забыть о своих прежних победах, его карьера завершится чтением лекций будущим агентам КГБ в специальной школе номер 311 под Новосибирском. Если он будет делать точные ходы в игре разведок, ему светит административная работа высокого уровня, он будет введен в состав одного или двух комитетов, и вот тут-то у него будут и «Волга», и дача на Черном море.

В течение двух или трех последних лет он жаждал сделать решительный рывок, проверить какое-нибудь громкое дело. И когда к нему пришли новости о Нате Дикштейне, он прикинул, не тут ли кроется его шанс.

Он наблюдал за карьерой Дикштейна с ностальгическим восхищением учителя математики, чей самый блестящий ученик решил пойти в школу искусств. Еще будучи в Оксфорде, он услышал историю об угнанном судне с оружием и по своей инициативе стал вести досье на Дикштейна. Из досье непреложно ясно вытекало, что Дикштейн ныне был одним из самых выдающихся агентов Моссада. Если бы Ростов мог доставить домой его голову на блюдечке, будущее было бы обеспечено.

Но Ростов исключительно тщательно планировал все операции. Он был отнюдь не из тех людей, которые руководствуются лозунгом «слава или смерть»: скорее наоборот. Один из его самых важных талантов заключался в умении исчезнуть со сцены, когда обстоятельства складывались не в его пользу. Соперничество с Дикштейном вряд ли будет легким делом.

Политический комитет по Ближнему Востоку собрался, дабы обсудить ситуацию с арабской атомной бомбой. Комитет состоял из двенадцати членов, двое из которых были в настоящее время за границей, один болен, а один ухитрился попасть в автоаварию как раз в день встречи. Впрочем, сути это не меняло. Имело значение мнение только трех человек: одного из Министерства иностранных дел, одного из КГБ и того, кто представлял руководство партии. Среди внештатных сотрудников комитета был и шеф Давида Ростова, который просто коллекционировал членство в самых разных комитетах, исходя из принципа, что каши маслом не испортишь; Ростов присутствовал в роли его помощника. (Он понимал, что его присутствие может оказать содействие в его продвижении вверх.)

КГБ был против арабской бомбы, потому что власть его и влияние носили скрытый характер, а наличие бомбы вынудит принимать решения в высоких сферах, вне пределов досягаемости КГБ. По этой же причине в бомбе было заинтересовано Министерство иностранных дел – бомба заставит активно включиться в дело, его влияние вырастет. Секретариат партии был против бомбы, ибо, если арабы одержат на Ближнем Востоке решительную победу, что там останется делать СССР?

Дискуссия открылась чтением сообщения КГБ «Последние события в египетских вооруженных силах – специальное сообщение». Ростов прекрасно понимал, что вокруг единственного факта, достойного внимания, накручено масса ахинеи, ерунды и предположений – но чтение всей этой мешанины заняло минут двадцать. Он и сам не раз составлял такие документы.

Чиновник из Министерства иностранных дел в очередной раз длинно и нудно изложил свою интерпретацию советской политики на Ближнем Востоке.

Всем настолько наскучило повторение общеизвестных истин, что в дальнейшем дискуссия обрела неформальный характер: разговор шел обо всем и ни о чем, пока шеф Ростова не буркнул:

– Да, но, черт побери, мы же не можем давать атомную бомбу этим долбаным психам.

– Согласен, – сказал человек из секретариата ЦК, который одновременно председательствовал на заседании комитета. – Если у них будет бомба, они ее обязательно пустят в ход. Что вынудит американцев атаковать арабов, с атомным оружием или без него – и я бы сказал, что они его используют. Тогда Советскому Союзу придется выбирать одно из двух: или бросить своих союзников или начинать третью мировую войну.

– Еще одна Куба, – пробормотал кто-то.

Человек из МИДа:

– Ответом на эту ситуацию может быть договор с американцами, по которому обе стороны примут на себя обязательство ни при каких условиях не применять ядерное оружие на Ближнем Востоке. И если они уж начали работу над этим проектом, она займет у них лет двадцать пять, не меньше.

– А если арабы все-таки бросят бомбу, – осведомился человек из КГБ, – не будет ли это считаться нарушением договора с нашей стороны?

Вошла женщина в белом передничке, вкатив столик с чайным сервизом, и комитет сделал перерыв. Человек из секретариата ЦК расположился рядом со столиком; держа чашку в руке и набив рот фруктовым пирожным, он рассказывал анекдот: «Был такой капитан КГБ, чей сын-идиот никак не мог понять смысла, что такое партия. Родина, Союз и народ. И капитан говорил мальчишке, что, мол, твой отец – это партия, мать – Родина, бабушка – Союз, а сам он – народ. А мальчишка все не понимает. Отец разозлился и запер его в шкафу в родительской спальне. Он так и сидел там до ночи, когда родители стали трахаться. И пацан пригляделся к замочной скважине и завопил: «Теперь я все понял! Партия трахает Родину, пока Союз спит, а народ стоит и страдает!»

Все дружно расхохотались. Официантка чуть качнула головой с насмешливым отворачиванием. Ростову уже доводилось слышать этот анекдот.

Когда комитет неохотно вернулся к работе, именно представитель ЦК задал критический вопрос:

– Если мы откажемся предоставить египтянам техническую помощь, о которой они просят, смогут ли они сами сделать бомбу?

Человек из КГБ:

– У нас нет еще достаточно информации, чтобы дать утвердительный ответ. Тем не менее, я осторожно расспросил одного из наших ученых, работающих в этой области, и выяснил, что сделать примитивную бомбу не представляет больших трудностей с технической точки зрения – во всяком случае, не больше, чем при создании обыкновенной бомбы.

Человек из МИДа бросил:

– Я думаю, мы должны исходить из предположения, что они могут создать ее и без нашей помощи, разве что это займет несколько больше времени.

– Я могу высказать свое собственное предположение, – резко бросил представитель партии.

– О, конечно, – смешалось Министерство иностранных дел.

Человек из КГБ продолжил:

– Их единственная серьезная проблема заключается в получении достаточного количества плутония. А вот имеется ли он у них или нет, мы пока так и не знаем.

Давид Ростов слушал все происходящее с большим интересом. По его мнению, было только одно решение, которое в силах принять комитет. И, наконец, председатель выразил именно его точку зрения.

– Моя оценка ситуации следующая, – начал он. – Если мы поможем египтянам создать свою бомбу, мы продолжим и укрепим нашу убедительную ближневосточную политику, мы усилим свое влияние в Каире и окажемся в положении, когда сможем осуществлять какой-то контроль над использованием бомбы. В случае же отказа в помощи, мы тем самым отделимся от арабов и, возможно, окажемся в ситуации, когда у них будет на руках бомба, но мы никоим образом не будем контролировать ее.

– Другими словами, – подытожил чиновник из МИДа, – если уж они так и так обзаведутся бомбой, лучше, чтобы на спусковой кнопке лежал русский палец.

Бросив на него раздраженный взгляд, председатель продолжил:

– Следовательно, мы можем рекомендовать Секретариату ЦК следующее: египтянам следует оказать техническое содействие при создании их собственного ядерного реактора, и эта помощь неизменно должна быть связана с возможностью для советского персонала осуществлять конечный контроль над подобным вооружением.

Ростов позволил себе лишь смутный намек на улыбку: именно такой вывод он и предполагал.

– Так и поступим, – одобрил представитель Министерства иностранных дел.

– Поддерживаю, – высказался КГБ.

– Все согласны?

Все были согласны.

Комитет перешел к следующему вопросу повестки дня.

И только по окончании встречи Ростова поразила мысль: если фактически египтяне не в состоянии сделать бомбу без посторонней помощи – например, из-за отсутствия достаточного количества урана – то они блистательно провели операцию блефа с русскими, заставив тех предоставить им необходимую помощь.

Ростов любил свою семью, но воспринимал ее в небольших дозах. Он искренне любил Юрия, старшего, несмотря на его увлечение дешевой музыкой и подозрительное пристрастие к диссидентской поэзии, но Владимир, младший, был подлинной радостью его. Малышом Владимир был настолько обаятелен, что люди принимали его за девочку. С самого начала Ростов прививал сыну правила логических игр, говорил с ним сложными предложениями, рассказывал ему о географии далеких стран, обустройстве машин и механизмов, о принципах работы радио, телевизоров и других аппаратов: он знал, как растут цветы, откуда берется вода на земле и как работают политические партии. В каждом классе он был среди лучших учеников – хотя наконец-то, думал Ростов, он сможет найти себе равную среду во 2-й физико-математической школе.

Ростов понимал, что хочет увидеть в своем сыне воплощение тех амбиций и намерений, которые ему самому не удалось. К счастью, его установки совпадали с желаниями сына – стать Большим Человеком.

Добираясь домой по заполненным машинами улицам, Ростов предвидел, что его ожидает дома спокойный, но скучный вечер. Они вчетвером поужинают, а потом будут смотреть телесериал о героическом русском разведчике, который одурачивает ЦРУ.

Ростов припарковал машину на тротуаре перед домом. Здесь жили чиновники высшего ранга, примерно половина которых владела такими же машинами, как у него, но гаража при доме не было. По московским стандартам, квартира у него считалась обширной: и у Юрия, и у Владимира было по своей комнате, и никому не приходилось спать в гостиной.

Когда он вошел в квартиру, то ссора была в самом разгаре. Он услышал высокий сердитый голос Марии, потом звук, словно что-то сломалось – и крик; затем услышал, как Юрий грязно обругал мать. Рывком распахнув дверь кухни, Ростов с мрачным, как грозовая туча, лицом застыл на пороге, по-прежнему держа дипломат в руке.

Мария и Юрий стояли лицом друг к другу по обе стороны кухонного стола; она была в редком для себя разъяренном состоянии и вот-вот разразится слезами в истерике, он же, угловатый подросток, весь ошетинился и переполнился ненавистью. Между ними лежала гитара Юрия, сломанная у перемычки грифа. Мария расколотила ее, мгновенно понял Ростов, и тут же сообразил, что не это явилось причиной ссоры.

Оба сразу же обратились к нему.

– Она сломала мою гитару!

– Он навлекает позор на семью своей дурацкой музыкой.

И тут Юрий опять грязно обозвал мать.

Ростов бросил дипломат, сделал шаг вперед и ударил мальчишку по лицу.

От силы удара Юрий отлетел назад, и его щека зарделась от боли и унижения. Сын такой же высокий, как и отец, и шире в плечах, и с тех пор, как сын из мальчишки стал юношей, Ростов никогда не бил его. Юрий кинулся к нему и если бы его кулак попал в цель, то сбил бы Ростова с ног. Инстинктивным движением, выработанным годами тренировок. Ростов уклонился в сторону и спокойно уложил Юрия на пол.

– Вон из дома, – тихо сказал он. – Вернешься, когда будешь готов извиниться перед матерью.

Юрий вскочил на ноги.

– Никогда! – выкрикнул он. И выбежал, хлопнув дверью.

Повесив плащ и шляпу, Ростов сел за кухонный стол. Сломанную гитару он осторожно положил на пол. Мария налила чай и подала ему; руки у него тряслись, когда он взял чашку. Наконец, он спросил:

– Что тут, в конце концов, произошло?

– Владимир провалился на экзамене.

– Владимир? Какое отношение он имеет к гитаре Юрия? Что за экзамен?

– В физматшколу. Он не прошел.

Ростов тупо смотрел на нее.

– Я была так расстроена, а Юрка смеялся... ты знаешь, он слегка ревнует к младшему брату – а затем стал играть эту западную музыку, и я подумала, дело не в том, что Владимир недостаточно толковый... дело в том, что у его семьи не хватает влияния, может быть, нас сочли недостойными из-за Юрки, из-за его взглядов, его музыки, я понимала, что это глупо, но, разозлившись, я сломала его гитару.

Ростов больше не слушал ее. Владимир не прошел? Невероятно. Мальчик умнее своих учителей, на несколько голов выше требований обыкновенной школы, они не могли завалить его. Физматшкола была учебным заведением для особо одаренных детей. Кроме того, мальчик сказал, что экзамены не представляют трудностей, он был уверен в успехе на сто процентов, и он всегда знал, как сдает экзамены.

– Где он? – спросил Ростов у жены.

– В своей комнате.

Пройдя по коридору, Ростов постучал в дверь спальни. Никто не ответил. Он вошел в комнату. Владимир сидел на кровати, уставившись в стенку, лицо у него покраснело и опухло от слез.

– Как, по-твоему, ты сдал? – спросил Ростов. Владимир поднял глаза на отца, и на лице его читалось детское непонимание всего случившегося.

– На сто процентов, – сказал он, протягивая несколько листов бумаги. – Я помню все вопросы. И помню свои ответы. Я проверил все дважды: без ошибок. И я сдал за пять минут до окончания срока.

Ростов повернулся уходить.

– Ты мне не веришь?

– Конечно, верю, – ответил Ростов.

Он направился в гостиную, где стоял телефонный аппарат. Набрал номер школы. Завуч по-прежнему был на работе.

– Владимир полностью ответил на все вопросы, – сказал Ростов.

У завуча был мягкий извиняющийся голос.

– Прошу прощения, товарищ полковник. Сюда стремятся попасть много весьма талантливых юношей...

– И все они стопроцентно выдерживают испытания?

– Боюсь, что не могу разглашать...

– Вы знаете, кто я такой, – коротко сказал Ростов. – И вы знаете, что я могу и сам все выяснить.

– Товарищ полковник, я уважаю вас и хотел бы, чтобы ваш сын учился в нашей школе. Прошу вас, не причиняйте себе неприятностей, поднимая шум вокруг этой ситуации. Если ваш сын будет поступать в будущем году, у него отличные шансы попасть в нашу школу.

Люди, как правило, не предупреждают полковника КГБ, что он может причинить себе неприятности. Ростов начал догадываться, в чем дело.

– Но он в самом деле получил круглые...

– Многие абитуриенты также получили круглые пятерки по письменным работам...

– Благодарю вас, – Ростов все понял и повесил трубку.

Так. Кто-то дернул за соответствующие ниточки. И менее талантливые дети попали в эту школу, потому что их папы пользуются большим влиянием. Ростов сдержал приступ гнева. Не стоит злиться на систему, сказал он себе: постарайся использовать ее.

И у него были кое-какие ниточки, за которые он мог бы дернуть.

Сняв трубку, он позвонил своему шефу Феликсу Воронцову домой. Феликс дал ему понять, что он несколько удивлен, но Ростов не обратил на это внимание.

– Слушай, Феликс, мой сын не прошел в физматшколу.

– Сочувствую. Но ведь не могут же все туда попасть.

Это был не тот ответ, который он ожидал услышать. Наконец, Ростов обратил внимание на тон Воронцова.

– Что ты имеешь в виду?

– Моего сына приняли.

Несколько мгновений Ростов молчал. Он даже не знал, что сын Феликса тоже подавал заявление. Мальчик, конечно, не глуп, но Владимир на две головы умнее его. Ростов собрался.

– Тогда разреши мне первым поздравить тебя.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил Феликс. – Кстати, с каким делом ты звонишь?

– Ну... в общем-то я не хотел мешать вашему празднику. Дело может подождать и до завтра.

– Ладно. Пока.

Ростов осторожно поставил телефон на пол. Если сын какого-то политика или бюрократа может попасть в такую школу лишь потому, что кто-то где-то нажал на кнопки, Ростов с этим не смирится: на каждого есть досье, и в них полно грязи. Единственные, к кому он не мог подобраться, были офицеры КГБ, старше его по рангу и положению. Так что у него нет путей справиться с неудачей этого года.

Значит, Владимир будет поступать в следующем году. И снова может случиться то же самое. Но к этому времени он уже обретет такое положение, что Воронцовы и иже с ними не смогут отодвинуть его в сторону. В будущем году все будет выглядеть по-другому. Первым делом, для начала, он заглянет в досье этого завуча. У него будет полный список абитуриентов, и он назубок будет знать всех, кто может представлять какую-то угрозу. Он поставит на про-

слушивание телефоны и будет перлюстрировать почту, но выяснит, кто и как давит на приемную комиссию.

Но, главное, он должен обрести неколебимое и прочное положение. И теперь он понял, что предположения, как будет развиваться его карьера, оказались ошибочными. Если она пойдет этим путем, звезда его быстро закатится.

Надо приводить в действие тот замысел, который он старательно разрабатывал в течение последних двух-трех лет.

Немного погодя вошла Мария и молча села рядом с ним. Она принесла ему на подносе поесть и спросила, хочет ли он смотреть телевизор. Он покачал головой и отставил еду в сторону. И немного погодя она тихо пошла спать.

Юрий пришел ближе к полуночи, слегка выпившим. Войдя в гостиную, он включил свет и удивился, увидев сидящего тут отца. Он испуганно сделал шаг назад.

Встав, Ростов смотрел на своего старшего сына, вспоминая, какие страдания терзали его самого в годы отрочества, когда он маялся приступами неопределенного гнева, и ему казалось, что он четко различает, что хорошо и что плохо, как резко он испытывал унижение и как медленно к нему приходили знания.

– Юра, – сказал он, – я хотел бы извиниться за то, что ударил тебя.

Юрий разразился слезами.

Ростов обнял его за широкие плечи и проводил сына в его комнату.

– Мы оба были неправы, ты и я, – продолжил он. – И твоя мать. Скоро я снова уезжаю за границу и привезу тебе новую гитару.

Он хотел было поцеловать сына, но, поскольку у них был принят западный стиль общения, побоялся сделать это. Мягким толчком он отправил его в спальню и прикрыл за ним дверь.

Вернувшись в гостиную, он понял, что за последние несколько минут план обрел у него в мозгу четкие очертания. Он снова уселся в кресле, на этот раз с мягким карандашом в руках и листом бумаги и стал набрасывать текст памятной записки.

«КОМУ. Председателю Комитета Государственной Безопасности.

ОТ КОГО. Начальника отдела европейского отделения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.